

Священник Гордей Щеглов

БОЕВОЙ ПУТЬ

*передового перевязочного отряда
имени преподобного Серафима Саровского
1915 - 1917*

МИНСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ
им. Святителя Кирилла Туровского

Кафедра церковной истории
и церковно-практических дисциплин

Священник Гордей Щеглов

БОЕВОЙ ПУТЬ
передового перевязочного отряда
имени преподобного Серафима Саровского
(1915–1917)

Минск
«ВРАТА»
2013

УДК94(47+57)«1915/1917»
ББК 63.3(2)524
Щ33

Допущено к изданию Издательским советом
Белорусской Православной Церкви.
Решение № 1211 от 10.01.2013.

Рецензент: протоиерей Федор Кривонос, доцент Минских
духовных академии и семинарии, кандидат богословия

Щеглов, Г. Э.

Щ33

Боевой путь передового перевязочного отряда имени преподобного
Серафима Саровского (1915–1917) / священник Гордей Щеглов. –
Минск : ВРАТА, 2013. – 112 с., [12] л. цв. ил. : ил.

ISBN 978-985-6912-08-8.

Книга посвящена истории передового перевязочного отряда,
действовавшего в годы Первой мировой войны на Юго-Западном фронте
в боевых условиях. Возглавлял транспорт француз граф Александр дю
Шайля – человек яркой и непростой судьбы. Издание представляет
уникальное в своем роде исследование и раскрывает одну из страниц
жертвенного служения Православной Церкви страждущему Отечеству.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся
Первой мировой войной, историей Русской Православной Церкви, а
также военных медицинских учреждений.

УДК 94(47+57)«1915/1917»
ББК 63.3(2)524

ISBN 978-985-6912-08-8

© Щеглов Г. Э., 2013

*Посвящается
медицинскому и санитарному персоналу,
трудившемуся на полях сражений
Первой мировой войны...*

Когда началась Первая мировая война, огромный патриотический подъем охватил широкие слои российского общества. Движимые общим чувством люди стали проявлять особое усердие к пожертвованиям на нужды фронта, особенно в деле помощи раненым воинам. На волне общего подъема и в среде педагогического персонала духовно-учебных заведений появилось желание сорганизоваться для оказания совместной помощи раненым, не довольствуясь «случайными пожертвованиями на Красный Крест и другие подобные организации».

Выразителем таких стремлений стал ректор Петроградской духовной академии епископ Ямбургский Анастасий (Александров), обратившийся с особым представлением в Святейший Синод. В результате был учрежден специальный комитет Красного Креста духовно-учебных заведений по оказанию помощи больным и раненым воинам российской армии¹. Возглавил его архиепископ Финляндский и

¹ Комитет учредили в следующем составе: председатель – архиепископ Финляндский и Выборгский Сергей (Страгородский), товарищ председателя – епископ Ямбургский Анастасий (Александров), члены: ректор Петроградской духовной семинарии протоиерей В. А. Мартинсон, член Учебного комитета при Святейшем Синоде архимандрит Неофит, председатель совета Исидоровского епархиального женского училища протоиерей А. К. Бургов, почетный член Петроградской духовной академии протоиерей К. И. Ветвеницкий, начальница Петроградского Исидоровского училища С. С. Тимофеева, член Учебного комитета В. Н. Самуилов, профессора Петроградской духовной академии И. С. Пальмов и Н. В. Покровский, смотритель

Выборгский Сергей (Страгородский). Уже к сентябрю 1914 года комитет сформировал подвижной лазарет имени преподобного Серафима Саровского для Северо-Западного фронта, развернувшийся в помещениях Минской духовной семинарии. К концу марта 1915 года был сформирован еще один подвижной лазарет – для Кавказского фронта, также имени преподобного Серафима². Тогда же, в марте, комитет передал 1-й и 2-й Серафимовские лазареты в ведение Главного управления Российского общества Красного Креста с обязательством ежемесячно вносить на их содержание по 6000 рублей. Это позволило начать организацию еще одного медицинского учреждения для Юго-Западного фронта – передового санитарного транспорта во имя преподобного Серафима Саровского.

Начальником формируемого транспорта был назначен француз граф Александр Максимович дю Шайля (Арман Александр де Бланке дю Шайля), человек весьма незаурядный. Родился он 25 марта 1885 года в местечке Сен-Лежье вблизи от Веве в Швейцарии. Учился в иезуитской коллегии. В юном возрасте Александр заинтересовался русской жизнью, стал изучать русский язык и литературу, а через некоторое время и вовсе уехал в Россию. Еще во Франции он уверовал в истинность Православия, в которое и перешел, кажется, в Лионе. Мать простила ему перемену веры, но отец не простил. «К кораблю Православия, – вспоминал граф, – принесли меня те либеральные течения Западного

Александр-Невского Антониевского духовного училища А. А. Аргентов и библиотекарь Петроградской духовной академии С. А. Родосский.

² История 2-го Серафимовского лазарета подробно описана в книге: *Щеглов Г. Э. Хранитель. Жизненный путь Федора Михайловича Морозова.* – Минск: ВРАТА, 2012. – 366 с., [73] л. цв. ил.: ил.

христианства, которые смывают с церковью исторические наслоения искусственного и чуждого Христу происхождения. Модернизм и старокатолическая критика, как независимые методы научно-религиозного познания, восстановили в моем сознании образ истинной Христианской Церкви, дальнейшее раскрытие которой совершилось под влиянием А. С. Хомякова, В. С. Соловьева и более современных представителей русской религиозной мысли»³.

В Россию граф дю Шайля приехал в 1904 году, приняв вскоре русское подданство⁴. Здесь Александр окончил Электротехнический институт.

Вместе с тем его по-прежнему интересовали религиозные вопросы и духовная жизнь. Живя в Петербурге, молодой граф общался с разными церковными деятелями. Известно, что он пользовался покровительством обер-прокурора Святейшего Синода В. К. Саблера, завел дружбу с Волынским архиепископом Антонием (Храповицким) и Холмским епископом Евлогием (Георгиевским). Движимый религиозным искательством и чтобы лучше узнать Православие, дю Шайля посещал русские монастыри. В конце января 1909 года он по совету Петербургского митрополита Антония (Вадковского) поселился близ Оптиной Пустыни. Прожив там девять месяцев, молодой граф имел возможность близко общаться с оптинскими старцами, к которым до конца жизни сохранил глубокое уважение, как к истинным светильникам духовной мудрости. Там же дю Шайля познакомился

³ *Дю Шайля А. М.* Воспоминания о С. А. Нилусе и Сионских Протоколах (1909–1920) // Еврейская трибуна. – 1921. – № 72 (14 мая). – С. 3.

⁴ Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов. Документы и материалы. В 3-х томах. Том 3. Возвращение. – М.: Гея, Триада-Х, 2002. – С. 510.

с известным мистификатором С. А. Нилусом, жившим в это время близ монастыря на одной из дач. Впоследствии граф даже написал небольшое воспоминание об этом «пророке духовного вырождения»⁵.

Находясь в России, дю Шайля состоял корреспондентом французской газеты «Le Matin», печатался в «Revue contemporaine» и других изданиях. Написал несколько исследований на французском языке по истории русской культуры, а также по славянским и церковным вопросам.

Вместе с тем на новой родине дю Шайля активно включился и в политическую жизнь. Он стал известен как переводчик полемических изданий по окраинному вопросу и пропагандист славянофильских и монархических идей. Считался приверженцем взглядов графа В. А. Бобринского, лидера неопанславизма. Татьяна Фермор пишет, что дю Шайля по поручению Бобринского ездил в Австрию в секретную миссию в Галицию, где был арестован по обвинению в шпионаже⁶. Но была ли на самом деле «секретная миссия», сказать трудно. Как-то проездом из России в Вену и оттуда во Францию дю Шайля остановился в Львове, где зашел в редакцию ежедневной газеты «Прикарпатская Русь», издаваемой галицийскими «москвофилами». Возможно, у него и было какое-то поручение от Бобринского. Граф прекрасно знал о сложном положении русинов в Австро-Венгрии, но никак не мог понять: почему они, будучи по конституции

⁵ Дю Шайля А. М. Воспоминания о С. А. Нилусе и Сионских Протоколах (1909–1920) // Еврейская трибуна. – 1921. – № 72 (14 мая). – С. 1–7; Дю Шайля А. М. С. А. Нилус и «Сионские протоколы» // Последние новости (Париж). – 1921. – № 326 (12 мая). – С. 2–3; № 327 (13 мая). – С. 2–3.

⁶ Hatonn G. C. Birthing The Phoenix. Vol. II. – Las Vegas: Phoenix Source Publishers, 1998. – P. 101.

свободными и полноправными гражданами австро-венгерского государства, не могут открывать своих русских школ, принимать Православие и организовывать православные приходы, обращаться к властям на русском языке, свободно сноситься с русскими в России и т. д. Беседуя по этому поводу, он заметил: «Вы ведь имеете нескольких своих послов в парламенте и сейме, разве они не возвышают обо всем этом свой голос?» На недоуменный вопрос графа редактор газеты И. Л. Гриневецкий тяжело вздохнул, улыбнулся и ответил, что они могли бы поднимать свой голос слишком высоко, вплоть до его надрыва, и, однако, не были бы услышаны. И тут же спохватившись, живо предложил дю Шайля пойти на вечернее заседание сейма, на котором как раз должен был выступать русинский посол отец Корнилий Сеник. Гриневецкий велел одному из сотрудников отвести графа в сеймовую ложу для журналистов. Во время прекрасной речи отца Корнилия в зале стала твориться невообразимая вакханалия, устроенная политическими противниками: шум, выкрики, смех, свист, стук. Речь оратора буквально потонула в этом бедламе. И тут изумленному гостю-французу все сразу стало понятно. Разумеется, в Париже дю Шайля поделился публично вынесенными сильными впечатлениями. Это не осталось незамеченным австро-венгерскими властями. Поэтому когда граф, едучи в другой раз из России, через Новоселицу, прибыл в Черновицы, он тотчас же был схвачен жандармами и препровожден до границы с Чехией, с тем чтобы больше в Австрии не показывался⁷.

⁷ *Світлинскій Богдан*. Австро-Угорщина і Талергоф. (В 25-літіє всемірної війни). — http://ukrstor.com/ukrstor/switlinskij_awstrougorscina.html

Известно, что дю Шайля тесно общался с Н. Н. Корево, входившим в 1906–1911 годы в различные комиссии и совещания по обсуждению вопросов, касающихся Финляндии. По просьбе Корево граф публиковал по финскому вопросу статьи за границей и в России⁸. Дю Шайля также состоял членом православного Карельского братства во имя святого великомученика Георгия Победоносца, созданного в 1907 году с целью просветительской работы среди карельского населения, благотворительности, борьбы с панфинской пропагандой, в том числе с деятельностью «Союза беломорских карел»⁹. Среди членов братства были и высокопоставленные государственные деятели, как, например, тот же Н. Н. Корево и управляющий делами Совета министров Н. В. Плеве.

В 1910 году дю Шайля поступил в С.-Петербургскую духовную академию, видимо вольнослушателем. В 1910/11 учебном году он по приглашению архиепископа Антония (Храповицкого) преподавал «по найму» французский язык в Волынской духовной семинарии¹⁰.

Когда началась война, дю Шайля, будучи студентом IV курса духовной академии, решил поступить на военную службу, однако медицинская комиссия забраковала его по состоянию здоровья, и он был направлен в распоряжение Главного управления Российского общества Красного Креста¹¹. 1 сентября 1914 года в резиденции обер-прокурора

⁸ *Du Chayla A. M.* Affaires De Finlande. La Loi, Octroyant Aux Russes En Finlande, Des Droits Civils égaux à Ceux Des Citoyens Finlandais, Répond-elle à Des Exigences Vitales? Etude. – St. Pétersbourg: Ehrlich, 1912. – 35 p.; *Koréwo N. N., du Chayla A. M.* La question finlandaise: rapport lu au congrès de la noblesse unifiée de l'Empire russe en la séance du 17/30 mars 1910. – 1912.

⁹ *Ходаковская О. И.* Дело жизни епископа Киприана (Шнитникова) (1879–1914) // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. – 2009. – Вып. II: 4 (33). – С. 35.

¹⁰ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-м. Л. 4.

¹¹ Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов. Документы и материалы. В 3-х томах. Том 3. Возвращение. – М.: Гея, Триада-Х, 2002. – С. 510.

Святейшего Синода на Литейном проспекте (д. 62) оторвался Синодальный лазарет имени Наследника Цесаревича Алексея Николаевича, куда дю Шайля поступил братом милосердия¹². Кроме работы по санитарной части, он заведовал хирургическими инструментами в перевязочной. В свободное от дежурств время граф изучал вопросы, относящиеся к административной и хозяйственной части функционирования лазарета¹³.

Когда в январе 1915 года комитет Красного Креста духовно-учебных заведений начал организацию подвижного лазарета для Кавказского фронта, его комплектование поручили дю Шайля, назначив на должность заведующего хозяйством и уполномоченного комитета при формируемом лечебном заведении. До середины марта граф занимался организационными, хозяйственными и финансовыми вопросами по формированию лазарета. Выезжал по делам в Финляндию в Гельсингфорс: заказывал палатки и другое оборудование. Однако когда стал формироваться передовой санитарный транспорт для Юго-Западного фронта и у дю Шайля появилась возможность возглавить его, граф решил отказаться от должности заведующего хозяйством лазарета.

По всеподданнейшему докладу обер-прокурора Святейшего Синода В. К. Саблера передовой санитарный транспорт имени преподобного Серафима Саровского 27 апреля 1915 года был принят под Августейшее покровительство императрицы Александры Феодоровны¹⁴.

Вскоре сформировали и штат транспорта. Помощниками дю Шайля стали Иван Владимирович Степанов и Александр

¹² РГИА. Ф. 797. Оп. 96. Д. 374. Л. 10.

¹³ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-р. Л. 422–423.

¹⁴ Там же. Д. 247-м. Л. 5–5 об.

Александрович Головин, врачом транспорта – выпускник медицинского факультета Гельсингфорского университета Алексей Георгиевич Мальцев, старшим фельдшером – Иван Васильевич Петрушов, младшим фельдшером – иеродиакон Мардарий¹⁵. Духовником транспорта назначили иеромонаха Антония (Лучкина)¹⁶. Это был высокий, крепкого сложения человек. Происходил он из рыбацкой семьи деревни Самолва на Чудском озере. Тяжелый рыбацкий труд, к которому Антоний приобщился с детства, воспитал в нем большую выносливость. В 1900 году, в 24-летнем возрасте, он поступил в Валаамский монастырь. Позже нес послушания в Финляндском Архиерейском доме, сначала в Выборге, а затем в С.-Петербурге на Благовещенском синодальном подворье. В 1910 году Антоний был посвящен в сан иеродиакона, и за два месяца до назначения в Серафимовский транспорт – в сан иеромонаха.

В первых числах мая дю Шайля в очередной раз выезжал в Гельсингфорс, чтобы забрать заказанные ранее у товарищества «ААТРА» санитарные двуколки и походные кухни. Прием заказа вылился в довольно пафосное мероприятие.

¹⁵ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-р. Л. 425.

¹⁶ **Антоний** (в миру Алексей Иванович Лучкин; 14.03.1876–02.05.1932) – игумен. Родился в д. Самолва Гдовского уезда С.-Петербургской губернии в семье рыбаков. 15 октября 1900 г. поступил в Валаамский Спасо-Преображенский монастырь, с 1905 – послушник. Некоторое время проходил клиросное послушание в Москве на подворье Валаамского монастыря. В 1907 г. переведен в Финляндский Архиерейский дом в Выборге. 1 марта 1908 г. в Валаамском монастыре пострижен в монахи с именем Антоний и вскоре командирован в братство Финляндского Архиерейского дома в С.-Петербурге на Благовещенском синодальном подворье. 13 октября 1910 г. посвящен в сан иеродиакона. 5 января 1915 г. рукоположен в иеромонахи. Состоял в свите епископа Сердобольского, викария Финляндской епархии. С марта 1915 по 1917 г. – духовник передового санитарного транспорта имени преподобного Серафима Саровского на Юго-Западном фронте. После революции служил на острове Верхний на Псковском озере в церкви Петра и Павла. 8 апреля 1928 г. арестован и обвинен в антисоветской деятельности, осужден на 3 года исправительно-трудовых лагерей. После освобождения проживал в г. Ветлуга Нижегородской губернии. Когда возведен в сан игумена, неизвестно.

В осмотре двуколок и кухонь пожелали принять участие Финляндский генерал-губернатор Франц-Альберт Александрович Зейн и его супруга - председательница Финляндского окружного управления Российского общества Красного Креста. Кроме того, присутствовали адъютант генерал-губернатора полковник Тимирязев, гельсингфорский полицмейстер и другие чины¹⁷.

В начале мая Серафимовский санитарный транспорт был уже окончательно укомплектован. Еще во время его формирования архиепископ Сергей (Страгородский), как председатель комитета Красного Креста духовно-учебных заведений, получил от командира XXXII армейского корпуса генерал-лейтенанта Ивана Ивановича Федотова телеграмму с просьбой направить транспорт в ведение его корпуса. О формируемом медицинском учреждении Федотов узнал от своего старшего адъютанта Тихона Александровича Аметистова, бывшего выпускника С.-Петербургской духовной академии (1905). Именно по его совету генерал и обратился к архиепископу Сергию, указав, в частности, что корпус не имеет никакого транспорта и весьма в нем нуждается. Владыка Сергей ответил согласием, за что командир корпуса его искренне благодарил и просил уведомить о состоявшейся договоренности Главное управление Красного Креста¹⁸.

XXXII армейский корпус действовал на Юго-Западном фронте в составе 9-й армии. Именно туда и отправился Серафимовский транспорт.

Уже в середине мая отряд прибыл в Киев, где представился главноуполномоченному Красного Креста при армиях

¹⁷ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-р. Л. 438.

¹⁸ Там же. Л. 433, 435.

Юго-Западного фронта сенатору Борису Евгеньевичу Иваницкому. Дю Шайля передал ему просьбу архиепископа Сергия: направить транспорт в распоряжение XXXII корпуса. 15 мая Б. Е. Иваницкий телеграфировал владыке: «Передовой транспорт духовно-учебных заведений будет направлен согласно желанию Вашего Высокопреосвященства»¹⁹. В тот же день дю Шайля отправил телеграмму Августейшей покровительнице транспорта Александре Феодоровне. Императрица написала в ответ: «Искренне благодарю Вас и весь персонал санитарного транспорта во имя преподобного Серафима Саровского за молитвы. Да благословит Господь всех вас и труды ваши на помощь страждущим»²⁰.

В Киеве пришлось задержаться, чтобы доукомплектовать транспорт. В частности, необходимо было набрать для его обслуживания команду из нижних чинов и получить лошадей. Однако в Киеве, по выражению дю Шайля, «ничего нового, кроме продолжения петроградских волокит, не было», и ему «пришлось со всеми ругаться, чтобы добиться своего»²¹. 28 мая удалось, наконец, получить 54 лошади в разных отделениях Киевского конного запаса. Теперь можно было отправляться к месту назначения.

В это время Серафимовский транспорт состоял из обоза для раненых, перевязочного пункта и пункта питания с приемным покоем. В его состав входили 25 санитарных двуколок, 5 хозяйственных повозок, 2 походные кухни, 1 водовозка и 2 легких экипажа для персонала. Санитарная двуколка представляла собой экипаж на двух больших

¹⁹ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-р. Л. 439.

²⁰ Там же. Л. 441.

²¹ Там же. Л. 451.

колесах: бока и верх покрывал брезент, на обеих сторонах которого были изображены большие красные кресты. На переднем месте помещался возница, рядом с ним находилось два или три места для легкораненых. Задняя стенка открывалась, и туда клали во всю длину четырех раненых. Запрягался такой экипаж парой лошадей.

Из Киева Серафимовский транспорт отправился в Бессарабскую губернию в распоряжение генерал-майора К. Л. Гильчевского²², командира 1-й ополченческой дивизии²³, входившей в состав XXXII корпуса. В первый же день прибытия к месту назначения транспорт оказался в зоне боевых действий. 1-я дивизия в это время размещалась на позициях в районе реки Прут напротив города Черновицы. В конце мая австрийцы предприняли в этом районе наступление, начав теснить наши части. Избегая обхода, дивизия вынуждена была, маневрируя, отступить. Связь со

²² **Гильчевский Константин Лукич** (05.03.1857 – ?) – русский генерал-лейтенант (12.07.1916). Уроженец Эриванской губернии, сын простого унтер-офицера. Выдержал офицерский экзамен при Тифлисском пехотном юнкерском училище, затем окончил Николаевскую академию Генштаба (1890). С 14.06.1896 – заведующий мобилизационным отделом, с 09.10.1896 – штаб-офицер для поручений, с 10.04.1899 – старший адъютант штаба Кавказского ВО. С 28.11.1901 – штаб-офицер при управлении 63-й пехот. резервной бригады. С 01.06.1904 – командир 270-го пехотного Купянского, с 14.06.1905 – 16-го гренадерского Мингрельского полка, с 03.09.1908 – 1-й бригады 39-й пехотной дивизии, с 03.04.1913 – 1-й бригады Кавказской гренадерской дивизии. При проведении мобилизации 19.07.1914 назначен командующим 83-й пехотной дивизией, которая вошла в состав 31 АК. 09.11.1914 переведен в резерв чинов при штабе Киевского ВО. С 25.03.1915 – начальник 1-й дивизии государственного ополчения, переименованной затем в 101-ю пехотную дивизию 32 АК. 21.10.1916 награжден орденом Св. Георгия 4-й ст. После Февральской революции, когда освободилось большое число высших должностей, 06.04.1917 принял командование 11 АК 2-й армии Западного фронта. После развала фронта вернулся в Тифлис к семье. После советизации Грузии в 1921–1922 служил в РККА. В 04.1927 написал письмо председателю СНК СССР А. И. Рыкову, требуя назначения себе выслуженной эмеритальной пенсии, и получил ответ (09.06.1927), что пенсия аннулирована. Не удовлетворившись таким результатом, написал письмо по тому же вопросу М. И. Калинину. Дальнейшая судьба неизвестна.

²³ 1-я ополченческая дивизия сформирована весной 1915 г. в Одессе из 29-й и 36-й ополченских бригад (12 дружин). В марте того же года ее командиром назначен генерал-майор К. Л. Гильчевский.

штабом корпуса прервалась. Общее настроение русских войск в указанном районе сложилось такое, что они даже были готовы к масштабному отступлению. Однако генерал Гильчевский, видя бодрый дух своих солдат, решил прекратить отступление дивизии и 2 июня контратаковал австрийцев у села Зарожаны. Именно в этот день и прибыл в дивизию Серафимовский транспорт, оказавшийся как нельзя кстати.

Неожиданный контрудар русских ошеломил противника, и он стал спешно оставлять занятые населенные пункты. Однако 3 июня из штаба корпуса пришел категорический приказ остановить наступление и возобновить его лишь на следующий день, после подхода 2-й ополченской дивизии и частей 3-го конного корпуса. Таким образом, наступательная инициатива из-за вмешательства штаба, не знавшего обстановки, была потеряна, а противник получил возможность окопаться, чем и воспользовался. За ночь австрийцы вырыли окопы и поставили перед ними проволочные заграждения. 4 июня дивизия возобновила наступление на укрепленную австрийскую позицию в районе Раранче–Топоровцы, однако понесла у села Ракитно значительные потери, оставив у неприятельских окопов много убитых и раненых. В эти дни Серафимовский транспорт без устали вывозил с поля боя раненых, часто под огнем противника. Тогда начальнику транспорта графу дю Шайля вместе с санитарями удалось вынести из-под огня тяжелораненого командира 481-й пешей дружины полковника Гаха, который, правда, вскоре скончался. Не выжил и другой тяжелораненый командир дружины – Косиков. Дивизия в этот день предприняла еще несколько безуспешных атак, так и оставшись на прежних позициях.

Уже 6 июня начальник штаба XXXII корпуса генерал-майор Лев Львович Байков в телеграмме архиепископу Сергию (Страгородскому) выражал искреннюю благодарность. «Транспорт уже получил свое боевое крещение, – сообщал он, – и несколько дней подряд, находясь в сражении, блестяще неутомимо работает, вывоз и перевязал много раненых воинов, оказав незаменимую помощь корпусу, не имевшему ни одного транспорта. Начальники частей в восторге от его работы и уже имеют в виду представить к наградам чинов транспорта за их доблестную работу под горячим артиллерийским и ружейным огнем. Финляндские двуколки оказались лучшими для вывоза раненых»²⁴.

На следующий день дю Шайля писал архиепископу Сергию: «Мы стоим у самой границы Австрии, куда посылаю каждый день своих фуражиров косить великолепный клевер. У меня прекрасный состав нижних чинов: некоторые уже представлены к боевым наградам. Служба наша, помимо опасности, чрезвычайно тяжела. Несколько дней пришлось почти все время сидеть на лошади и спать не более 2-х часов. Несмотря на это, мы все чувствуем себя бодро: все воодушевлены желанием принести посильный труд для общества. Военное Ведомство отлично к нам относится: доктор получил Анненский темляк²⁵, что касается до меня, то говорят о такой награде, о которой не смею и думать»²⁶.

Действительно, через несколько дней графа дю Шайля, иеродиакона Мардария и шесть санитаров наградили Георгиевскими медалями 4-й степени²⁷.

²⁴ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-р. Л. 446–447.

²⁵ **Анненский темляк** – темляк ордена Анны 4-й степени – знак отличия в царской армии. Присваивался классным чиновникам, удостоившимся ордена Святой Анны 4-й степени за отличия, под неприятельскими выстрелами оказанные. – *Г. Ш.*

²⁶ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-р. Л. 450 об.–451 об.

²⁷ Там же. Л. 452.

Так начались для персонала Серафимовского передового транспорта военные будни. С этого времени его деятельность была неразрывно связана с жизнью дивизии. Сформированная в 1915 году из почти небоеспособных дружин она благодаря своему доблестному командиру генералу К. Л. Гильчевскому уже через год завоевала славу одной из самых героических частей русской армии. Ее командир оставил воспоминания, благодаря которым можно проследить боевой путь дивизии в 1915–1916 годы, а вместе с тем и Серафимовского санитарного транспорта.

После описанных выше событий наступило временное «затишье», однако и оно было небезопасным, так как австрийцы частенько обстреливали из орудий дивизионные позиции.

В это время в Серафимовском транспорте разразился скандал. 21 июня дю Шайля получил из Петрограда от архиепископа Сергия предписание: немедленно уволить врача транспорта А. Г. Мальцева. Как выяснилось, он вовсе не был врачом, выпускником Гельсингфорского университета, а оказался обычным фельдшером, да к тому же сбежавшим с места службы. До войны Мальцев служил фельдшером на станции Финляндских железных дорог. В конце 1914 года Главное управление Красного Креста командировало его в резерв главноуполномоченного Красного Креста Юго-Западного фронта. Однако Мальцев самовольно покинул место службы и вернулся в Петроград, где впоследствии и устроился «врачом» в Серафимовский транспорт²⁸. Конечно, дю Шайля был возмущен этим известием, и на следующий день

²⁸ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-м. Л. 8–8 об.

уволил самозванца. Под горячую руку попал и помощник графа – А. А. Головин, которого он уволил тогда же «за не соответствующее духу транспорта поведение»²⁹. С его увольнением д-р Шайля остался без помощников, так как второй помощник, И. В. Степанов, сперва не смог выехать в действующую армию по болезни, а затем и вовсе отказался от должности.

В начале июля граф выезжал в Петроград по вопросам оборудования хозяйственного обоза, а также снабжения транспорта средствами борьбы с эпидемиями.

Как уже говорилось, время от времени австрийцы обстреливали позиции дивизии. Однажды одну из ее батарей обстреляли 12-дюймовые гаубицы. Несмотря на то, что стрельба корректировалась с аэроплана, ни один «чемодан», как называли крупнокалиберные снаряды, не попал на батарею. В тот же день австрийцы обстреляли из гаубиц деревню Калинковцы, предполагая, что там находится штаб. Под обстрел попал и Серафимовский отряд, располагавшийся недалеко от Калинковиц в селе Грозинцы. Просто чудом никто не погиб и не был ранен.

В Грозинцах транспорт попал под обстрел случайно, но нередко австрийцы обстреливали полевые медицинские учреждения и целенаправленно. Особо интенсивному обстрелу обоз Серафимовского транспорта подвергся 20 июня, а 25 июля неприятель выпустил по нему около 15 шрапнельных снарядов. Вечером 29 июля во время работы транспорта близ передовых позиций неприятель обстрелял его повозки разрывными пулями³⁰. 17 сентября расположение

²⁹ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-р. Л. 455.

³⁰ Обстрел неприятелем учреждений Красного Креста // Вестник Красного Креста. – 1915. – № 8. – С. 3602.

транспорта вновь подверглось сильному обстрелу, на этот раз 8-дюймовыми гранатами, давшими, к счастью, небольшой перелет. После этого персоналу пришлось экстренно строить блиндаж³¹.

Еще летом 1-я ополченская дивизия была переименована в 101-ю пехотную дивизию, состоящую из четырех полков по три батальона каждый. Полки получили названия: 401-й Карачевский, 402-й Усть-Медведицкий, 403-й Вольский и 404-й Камышинский.

24 сентября в дивизию из штаба армии поступил приказ произвести прорыв австрийской укрепленной позиции, располагавшейся в лесу к северу от деревни Калинковцы. Солдатам пришлось атаковать неприятельские окопы, укрепленные засеками из густо перепутанных колючей проволокой крупных деревьев и четырьмя рядами кольев проволочных заграждений. Хотя в ротах и было много приобретенных в Петрограде ножниц, тем не менее, резать проволоку под сильным артиллерийским, пулеметным и ружейным огнем бойцы не смогли. Роты невольно залегли возле засек, потеряли несколько сот убитыми и ранеными и лишь с наступлением сумерек смогли отойти к своим окопам³².

«С какой целью надо было произвести прорыв, – вспоминал генерал К. Л. Гильчевский, – нам не было известно. Даже если бы мы имели успех, то без сильного резерва дальнейшее наступление с пятью батальонами едва ли было бы возможно. Все же забава штаба армии стоила нам несколько сот человек убитыми и ранеными, которые остались у засек»³³.

³¹ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-р. Л. 502.

³² *Гильчевский К. Л.* Боевые действия второочередных дивизий в мировую войну. – М., Л.: Государственное издательство отдела военной литературы, 1928. – С. 53.

³³ *Гильчевский К. Л.* Указ. соч. – С. 72.

Во время этого боя проявили особую храбрость члены Серафимовского отряда: иеродиакон Мардарий и младший унтер-офицер Арсеньев, устроившие вспомогательный перевязочный пункт на высоте у передовых окопов.

Серафимовский транспорт нес службу во всех сражениях, выпавших на долю 101-й дивизии. Во время боевых действий отличились, помимо уже упомянутых лиц, обозные Кохановский, Харченко, Романютин, старший санитар Ионов, санитары Роскос, Рудин и Бабарицкий. Вообще, отмечал граф дю Шайля, состав нижних чинов оказался прекрасным «по своей выносливости, храбрости и самообладанию»³⁴. Высоко оценил он и деятельность иеромонаха Антония, представив к ордену Святой Анны 3-й степени с мечами. Кроме того, граф просил архиепископа Сергия (Страгородского) наградить духовника наперсным золотым крестом, выдаваемым от Святейшего Синода³⁵.

Следует сказать несколько слов о том, как работал транспорт во время боевых действий. Накануне предполагавшегося наступления дю Шайля получал из штаба дивизии оперативный приказ, на основании которого определялся «план уборки раненых». В день боя весь инвентарь, кроме самого необходимого для ухода за ранеными, грузился на хозяйственные повозки и оставался на месте. Перед выступлением на боевую работу зачитывался приказ, определявший задачу каждого. Затем, в полной тишине, с соблюдением больших дистанций между повозками, обоз и персонал направлялись к позициям. В месторасположении транспорта оставались

³⁴ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-р. Л. 502 об.

³⁵ Там же. Л. 474.

лишь старший врач и лица, обслуживавшие перевязочный пункт и приемный покой. Оставались также мастеровые и вообще рабочая команда для упаковки и эвакуации имущества в случае отступления.

Направлявшийся к позициям персонал брал с собой провиант на два дня: мясные консервы и галеты. Врачи, фельдшера, санитары снабжались сумками со стерильным перевязочным материалом, йодом, нашатырным спиртом, валериановыми каплями и пр. У санитаров имелись также термосы с горячим чаем и коньяком для согрева раненых, так как те из-за потери крови мерзли. У врачей и фельдшеров имелись небольшие хирургические наборы, резиновые жгуты для остановки кровотечения, а также ампулы с различными инъекциями.

Вблизи позиций, но в недосягаемости ружейного огня, обоз останавливался за каким-либо значительным прикрытием, где образовывался резерв перевозочных средств. Затем, близ окопов, в лощине или за какой-нибудь постройкой, устраивался вспомогательный перевязочный пункт и расставлялись повозки. Когда падал раненый, его выводили из цепи, санитары обрабатывали йодом рану, перевязывали и после медицинского осмотра переносили к санитарным повозкам. Те в свою очередь, пользуясь малейшим затишьем в перестрелке или природным ландшафтом, старались максимально быстро вывезти раненых из района ружейного огня и доставить на перевязочный пункт. Здесь врач и его помощники более профессионально накладывали повязки и проводили операции. Духовник исповедовал и причащал умирающих. После оказания врачебной помощи раненых

переводили в приемный покой, где окровавленное белье заменялось чистым, предлагались горячий чай, пища, папиросы. Если положение наших частей было благоприятным, то раненые отдыхали до следующего дня. Старший врач каждого дивизионного лазарета извещался телефонограммой о прибытии транспорта. Раненые в брюшную полость и грудь оставались несколько дней в расположении Серафимовского транспорта. Если бои затягивались, то раненых отправляли партиями, начиная с легкораненых, сидячих, так как перевозка таковых требовала незначительного количества перевозочных средств. Кроме того, легкораненые нередко возвращались в свои подразделения.

Во время наступательного боя задачей Серафимовского транспорта было сохранить связь с находящимися в сражении частями и, сообразно средствам, стараться как можно скорее вывезти всех раненых из боевого района. В случае же отступления требовалось в первую очередь отправить хозяйственный обоз, который должен был отступать шагом по указанному тыловому пути. Затем полагалось отходить повзводно, в строгом порядке, санитарному обозу с ранеными. Его задачей было максимально быстро разгрузиться и вернуться за новыми ранеными. При этом санитарный транспорт должен был держать связь с отходящими частями, реквизировать обывательские подводы в дополнение к своим и на них увозить всех раненых в тыловые пункты или на свой перевязочный пункт, открытый на новом месте. В случае невозможности полной эвакуации раненых из-за их большого наплыва тяжелораненых должны были оставлять вместе с несколькими санитарями и небольшим

запасом медицинских средств. К счастью, Серафимовскому транспорту не приходилось прибегать к этой крайней мере³⁶.

Вот что сообщал 6 октября 1915 года командир 101-й дивизии о деятельности Серафимовского отряда: «...до настоящего времени при всякой обстановке оказывал не только дивизии, но и соседям громадную услугу по вывозу и выносу раненых как с полей сражения, так равно и по эвакуации их в тыловые лечебные заведения»³⁷. Согласно отзыву, передовой транспорт так сумел поставить свое дело, что помимо функций по перевозке раненых он прекрасно выполнял «при своих скромных врачебных средствах» и функции перевязочного отряда, оказывая помощь раненым и больным воинам, которые находили в нем не только первую медицинскую помощь, но даже временный отдых и лечение.

Действительно, персонал транспорта во главе с графом дю Шайля проявлял столько энергии, распорядительности и отзывчивости к нуждам войсковых частей в деле эвакуации и оказания помощи раненым и больным, что заслужил всеобщую благодарность.

К этому времени Серафимовский транспорт уже успел заметно расшириться, приобретя еще четыре санитарные двуколки и пять хозяйственных фургонов³⁸. Теперь он мог поднять одновременно от 150 до 160 раненых, так как и хозяйственные фургоны приспособили для перевозки легкораненых.

³⁶ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-р. Л. 500 об.–502.

³⁷ О деятельности Комитета Красного Креста духовно-учебных заведений // Прибавления к Церковным Ведомостям. – 1916. – № 3. – С. 100.

³⁸ Фургоны были куплены в Одессе у фирмы «Кениг», а у священника села Бачкоуцы приобретен фаэтон, приспособленный для перевозки раненых в ноги.

Поскольку количество транспортных средств увеличилось, военное ведомство предоставило для них 25 новых лошадей из Конотопского конного запаса. Благодаря этому конный состав отряда, включая и двух лошадей, принадлежащих одному из добровольцев, увеличился до 79. Обоз обслуживался 55 обозными и разделялся на три взвода. Во время похода каждый взвод подчинялся одному из классных чинов – взводному командиру. Первый и второй взводы составляли исключительно санитарные повозки, третий – состоял из хозяйственного обоза во главе с заведующим хозяйством Бойко и каптенармусом. За воинскую дисциплину и сохранность имущества в каждом взводе ответственность несли взводные унтер-офицеры «на общем основании устава внутренней службы и Положения об обозе». Такие же обязанности нес по отношению ко всему транспорту старший унтер-офицер в звании вахмистра.

Природные условия, в которых приходилось действовать транспорту, – бездорожье, гористая местность, неустойчивость почвы во время продолжительных дождей – заставляли прибегать к некоторым усовершенствованиям. Постепенно весь обоз поставили на рессоры с сохранением специальных внутренних пружин, на которые были установлены носилки. Рессоры пришлось приобретать в разных местах: Каменец-Подольске, Одессе, Киеве. Работой по переустройству обоза занимались мастера транспорта, а сбрую для новых повозок шорники изготовили из сыромятных кож, пожертвованных командиром дивизии генералом К. Л. Гильчевским³⁹. Имеющиеся в санитарных повозках носилки были

³⁹ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-р. Л. 497 об.–498.

снабжены сменой холщевых полотнищ, а также теплыми одеялами, подушками и резиновыми грелками, пожертвованными из подвижного склада императрицы Александры Феодоровны.

После эвакуации стоверстного пограничного района Серафимовский транспорт лишился возможности пользоваться услугами существовавших в каждом селе кузнечных, столярных и сапожных мастерских. Поэтому пришлось расширять собственные походные мастерские, без которых стало бы невозможным содержать в исправности обозное и конское снаряжение. С этой целью приобрели походный горн и необходимые наборы инструментов.

XXXII армейский корпус и, в частности, 101-я дивизия, в распоряжение которой поступил Серафимовский транспорт, до этого практически не имели санитарных учреждений. Поэтому сразу стало ясно, что на транспорт возлагается обязанность не только перевозить уже перевязанных раненых, но оказывать им первую помощь, в том числе и хирургическую. Мало того, некоторые подразделения, как например, учебные и пулеметные команды, маршевые батальоны, приходившие на укомплектование войсковых частей, не имели врачебных пунктов для амбулаторных больных. Гражданское население после эвакуации правительственных и земских учреждений также было лишено медицинской помощи. Все эти обстоятельства заставили увеличить оснащенность транспорта лечебными средствами⁴⁰.

Первоначально транспорт имел лишь небольшое количество хирургических наборов и довольно скромную

⁴⁰ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-р. Л. 498.

аптеку, рассчитанную на нужды команды и раненых во время транспортировки. Еще в начале июля 1915 года комитет Красного Креста духовно-учебных заведений помог приобрести одну походную аптеку лазаретного образца, а также ампутационный и трахеотомический наборы.

Вместе с тем широкое содействие начинаниям Серафимовского транспорта оказывали корпусный врач Илья Ильич Дробин, дивизионный врач Павел Федорович Чепурский, а также уполномоченные 5-го Собственного Ее Императорского Величества подвижного склада Василий Юльевич Бурштейн, Евгений Петрович Семенов и Николай Александрович Закаатов. Военно-санитарное начальство командировало в распоряжение транспорта необходимое число врачей, а склад императрицы снабжал его перевязочными материалами и медикаментами в неограниченном количестве⁴¹.

На начало октября 1915 года перевязочный пункт и амбулаторию транспорта обслуживали: штатный врач доктор медицины Владислав Владиславович Ясинский, постоянно прикомандированный младший врач лекарь Уникель, временно прикомандированный для обслуживания перевязочного пункта в боевых периодах лекарь Гриценко, старший медицинский фельдшер И. В. Петрушов, фельдшер иеродиакон Мардарий и 15 санитаров, составлявших отдельную команду во главе со старшим санитаром в звании унтер-офицера. В конце октября дю Шайля «ввиду большого наплыва больных» пригласил на службу в транспорт фельдшерицу Марию Александровну Звереву⁴².

⁴¹ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-р. Л. 498.

⁴² Там же. Д. 247-м. Л. 343.

На перевязочном пункте помимо наложения обычных и неподвижных повязок производились «все жизненные операции», а также операции, без которых транспортировка раненых оказывалась невозможной. Устройство и развитие перевязочного пункта потребовало дополнительного приобретения хирургических инструментов и предметов, как, например, походного операционного стола, автоклава для стерилизации материалов, умывальника системы доктора Исаченко и пр.

Помимо медицинского обслуживания военных и гражданского населения перевязочный пункт Серафимовского транспорта боролся и с эпидемическими заболеваниями. Для этой цели его снабдили двумя аппаратами для вливания солевых растворов, а также сыворотками противохолерной, тифозной, дифтерийной, дизентерийной, противостолбнячной, стрептококковой и др.⁴³

После выноса с поля сражения и оказания первой помощи пострадавшие нуждались в покое и отдыхе, особенно раненные в грудь и брюшную полость, подлежавшие транспортировке лишь по прошествии нескольких дней. Для этой цели при транспорте устроили приемный покой на 50 человек, располагавшийся летом в одной большой палатке, а в зимнее время в бараке, сооруженном «из местного материала». Во время боевых действий приемный покой размещался, как правило, в соседних с транспортом крестьянских домах, за счет чего значительно расширялся. Вместе с тем устройство приемного покоя для раненых было тесно связано с проблемой их питания. Вопрос этот имелся

⁴³ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-р. Л. 499.

в виду еще при формировании транспорта, снабженного двумя походными кухнями с кипятильником и необходимым количеством посуды.

Существенную помощь при устройстве приемного покоя с пунктом питания оказал опять же подвижной склад Ее Императорского Величества. Из него на нужды Серафимовского транспорта были пожертвованы сенники, подушки, постельное белье, одеяла, теплые халаты, нательное белье обыкновенное и теплое для раздачи в неограниченном количестве. Кроме того, были выданы пищевые продукты: крупа (15 пудов в месяц), консервы мясные (до 400 пудов в месяц), макароны, сушеные овощи и пр. Только благодаря этой помощи транспорту удалось значительно расширить свои функции, не выходя за рамки выделяемого комитетом бюджета⁴⁴.

Значительное расширение деятельности побудило графа дю Шайля ходатайствовать перед комитетом Красного Креста духовно-учебных заведений о переименовании Серафимовского транспорта в передовой перевязочный отряд. «Так как по существу дела транспорт уже является таковым», – писал он⁴⁵.

В начале ноября командование фронтом приняло решение о переброске XXXII армейского корпуса в Ровенский район Волынской губернии в состав 8-й армии. Вечером 9 ноября начальник Серафимовского транспорта получил от дивизионного врача срочное указание: «Готовьтесь через два дня к выступлению. Эвакуируйте больных и раненых». Уже

⁴⁴ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-р. Л. 499–499 об.

⁴⁵ Там же. Л. 503 об.

на следующий день больные и раненые были эвакуированы в Каспийский лазарет Красного Креста, поскольку лечебные заведения XXXII корпуса свернулись, получив аналогичное указание. Хотя Серафимовский отряд прекратил транспортировку, амбулатория все же продолжала работу до самой отправки. Отбытие, однако, не обошлось без затруднений. 11 ноября в шесть часов утра дю Шайля получил от дивизионного врача отношение, в котором говорилось, что Серафимовский транспорт «не следует за армией, а остается на месте». Оказалось, что особоуполномоченный Красного Креста статский советник Л. Г. Люц, будучи неосведомленным относительно особых соглашений между архиепископом Сергием (Страгородским) и командиром XXXII армейского корпуса о передаче транспорта корпусу до конца военных действий, заявил протест в Санитарном отделе штаба 9-й армии против его передвижения. Поскольку учреждения Красного Креста являлись неподвижными и обслуживали войсковые части, находившиеся в районе их деятельности, то Серафимовский транспорт должен был остаться на месте. Это известие вызвало как в штабе корпуса, так и в штабе дивизии большое недоумение и растерянность, учитывая, что 101-я дивизия имела казенный перевязочный отряд лишь в половинном составе и не могла обойтись без помощи Серафимовского транспорта. К тому же при его дополнительном оборудовании граф дю Шайля принимал во внимание недостатки казенного отряда. Начальник штаба XXXII корпуса генерал-майор Л. Л. Байков и командир 101-й дивизии генерал-майор К. Л. Гильчевский немедленно возбудили ходатайства перед надлежащими инстанциями.

Спешные телеграммы полетели в Киев к главноуполномоченному Красного Креста и в Петроград – в комитет духовно-учебных заведений. В тот же день дю Шайля отправился в штаб армии для выяснения положения Серафимовского транспорта как части XXXII корпуса. На следующий день он с генерал-майором Л. Л. Байковым посетил особоуполномоченного Красного Креста Л. Г. Люца. После соответствующих разъяснений тот признал особое положение транспорта и сообщил начальнику Санитарного отдела 9-й армии, что не возражает против следования его с прочими частями корпуса⁴⁶.

Ввиду возникшего недоразумения Гильчевский в тот же день отправил в комитет духовно-учебных заведений телеграмму с просьбой оставить Серафимовский транспорт при 101-й дивизии до конца военных действий⁴⁷. Комитет ответил, что не видит препятствий к возбуждению генералом необходимого ходатайства перед соответствующими инстанциями, однако сам признает неудобным сношение по данному вопросу с военным ведомством и Главным управлением Красного Креста, «в ведении коих ближайшим образом находится упомянутый транспорт»⁴⁸. Ответ выглядел несколько двусмысленным...

Итак, получив от начальника Санитарного отдела армии разрешение на выдвигание транспорта, дю Шайля отправился назад в Грозинцы. В Хотине он встретил выступивший штаб 101-й дивизии и получил от генерала Гильчевского предписание: выступить с Серафимовским отрядом из села

⁴⁶ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-р. Л. 352–353 об.

⁴⁷ Там же. Д. 247-ш. Л. 50.

⁴⁸ Там же. Л. 50 об.

Грозинцы в Каменец-Подольск для посадки на железную дорогу и следования вместе с дивизией. 14 ноября в 10 часов утра дю Шайля объявил приказ о порядке выдвижения, после чего отправился к начальнику Грозинского гарнизона командиру 2-й пластунской бригады с рапортом о выходе транспорта из района гарнизона.

В час дня Серафимовский отряд выступил походным порядком и в восемь часов вечера был уже в городе Хотине. Обоз расположился на плацу в предместье города, нижние чины разместились по обывательским квартирам, а классные чины в гостинице. Квартиры предоставлялись бесплатно за счет Городской управы, на основании положения о расквартировании войск.

Выдвижение из Хотина было назначено на следующий день на шесть часов утра, а прибытие на станцию Каменец-Подольск и погрузка в эшелон – на четыре часа дня. Однако при выезде из Хотина возникло новое недоразумение, на этот раз с командиром 2-го конного корпуса. Когда Серафимовский транспорт уже двигался походным порядком по улицам города, направляясь на большую Каменецкую дорогу, его неожиданно остановили чины полевой полиции, присланные этапным комендантом. Оказалось, что особоуполномоченный Красного Креста не известил командира 2-го конного корпуса, занявшего расположение XXXII армейского корпуса, о перемещении Серафимовского отряда. Узнав от начальника Грозинского гарнизона об уходе санитарного транспорта, командир конного корпуса приказал задержать его до особых распоряжений.

О произошедшей задержке дю Шайля немедленно известил начальника штаба XXXII корпуса и особоуполномоченного.

В три часа дня этапный комендант Хотина получил от командира конного корпуса телеграфное извещение об отмене приказания и распорядился отпустить Серафимовский транспорт. Лишь в четыре часа дня отряд смог выступить из города, когда по плану уже должен был грузиться на железнодорожной станции. Из Хотина он двинулся по шоссе на дороге близ старой турецкой крепости, и у местечка Жванца по лодочному мосту перешел Днестр. В восемь часов вечера отряд вступил через турецкий мост между старинными укреплениями в Каменец-Подольск. Обоз проследовал по направлению к станции и разместился на плацу, нижние чины, как и прежде, в обывательских квартирах, а классные чины – в гостинице.

Поскольку Серафимовский отряд не смог прибыть вовремя, отправку пришлось отложить на два дня, так как на станции действовал довольно жесткий график. Ранним утром 17 ноября отряд вместе со штабом 101-й дивизии погрузился в эшелон из 28 вагонов. Погрузка заняла около трех часов. В час дня эшелон отбыл. Сначала поезд направился на передаточную станцию Шепетовка, оттуда на станцию Ровно, затем – Клевань, где утром 20 ноября разгрузился.

На новом месте дислокации 101-я дивизия заняла позицию на важном Луцком направлении, к западу от местечка Олыка Дубенского уезда – параллельно позициям австрийцев. По распоряжению генерал-майора К. Л. Гильчевского Серафимовский отряд расположился вместе со штабом дивизии в деревне Суховцы, где немедленно открыл амбулаторию. Однако, поскольку части дивизии в это время находились в резерве, медицинской работы оказалось поначалу немного.

Тем временем, после прибытия в Суховцы новые недоразумения возникли между военным начальством и представителями Красного Креста. В ответ на телеграфное донесение графа дю Шайля о прибытии Серафимовского транспорта в составе 101-й дивизии исполнявший обязанности особоуполномоченного Красного Креста статский советник Нежинский прислал распоряжение о прикомандировании отряда к 105-й дивизии. К счастью, недоразумение быстро разрешилось, и Нежинский отменил распоряжение.

24 ноября генерал Гильчевский приказал Серафимовскому транспорту разместиться в местечке Олыка, в двух верстах от передовых позиций. На следующий день утром дю Шайля отправился в местечко для осмотра и выбора месторасположения. Его внимание сразу привлек обширный старинный замок князя Радзивилла, где граф поначалу и решил расположить отряд. Однако от мысли этой вскоре пришлось отказаться, так как выяснилось, что почти ежедневно замок обстреливался австрийскими орудиями и являлся крайне небезопасным местом. Тогда дю Шайля выбрал для размещения дома, принадлежавшие богатым евреям: один большой дом из четырех комнат для перевязочного пункта, семь домов для личного состава и команды, четыре конюшни и один большой двор для обоза. В тот же день вечером Серафимовский отряд расквартировался в Олыке. 26 числа расположение привели в соответствующее санитарное состояние, и 27-го отряд приступил к новой задаче⁴⁹.

«Находимся мы на другом фронте, в районе севернее Ровно, – писал в эти дни в Петроград дю Шайля. – Здесь

⁴⁹ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-р. Л. 353–356 об.

много работы и работы боевой. Обстрел из тяжелых каждый день. Пока Бог хранит»⁵⁰.

Следует сказать, что санитарную службу в районе Олыки значительно облегчало наличие хороших дорог близ дивизионных позиций, а также пересеченный характер местности. Благодаря этому Серафимовскому отряду удалось продвинуть санитарные повозки до резервных окопов. Неудобство, конечно, причиняли почти ежедневные обстрелы местечка тяжелой артиллерией. Однако огонь неприятельских батарей привлекали главным образом радзивилловский замок и костел в центре Олыки. Несмотря на обстрелы местности тяжелой артиллерией, затишье по фронту наблюдалось почти полное. Впрочем, не обходилось и без жертв. Часто противник обстреливал с передовой высоты путь из Олыки в деревню Жорнице, так что там всегда бывали убитые и раненые.

Вместе с тем большие затруднения доставляли плохое экономическое состояние местности и недостаток фуража. Лошадей вынужденно стали кормить резаной соломой с тертым ячменем. Порция уменьшилась до пяти фунтов в день, а солому приходилось покупать у местных жителей по цене 60 копеек за пуд. Заметно повысились цены на хлеб, мясо и вообще предметы первой необходимости. Впрочем, командование надеялось на скорое разрешение экономического кризиса через организацию правильной работы интендантства. Между тем Серафимовский отряд в отношении обеспечения занимал привилегированное положение в сравнении с другими медицинскими учреждениями, работавшими под

⁵⁰ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-р. Л. 505.

флагом Красного Креста, поскольку рассматривался военным начальством как учреждение корпусное. Отряду выдали чековые требования военного ведомства для получения припасов из интендантских транспортов и дивизионного обоза. Кроме того, отряду, как и военным частям, предоставили право производить реквизиции, на что корпусное интендантство выделило книгу реквизиционных квитанций. Надо заметить, что отношение военного начальства к Серафимовскому отряду сохранялось максимально доброжелательным. Как в вопросах хозяйственных, так и в важном вопросе о замене нижних чинов военные власти всячески старались улучшить положение отряда. Так, согласно приказу командира корпуса генерал-лейтенанта Федотова от 15 декабря 1915 года, отряд получил в пополнение 21 нижний чин из 404-го Камышинского полка.

Хирургическая работа в этот период заметно уменьшилась, уступив место терапевтической деятельности. Приходилось в основном бороться с недугами окопной жизни и эпидемическими заболеваниями: в конце ноября в двух полках 101-й дивизии появился тиф.

Оспопрививание в местечке Олыка также было возложено на Серафимовский транспорт, для чего дивизионный врач в середине декабря прикомандировал к нему прививочный отряд в составе одного врача и двух сестер. В свободное от прививок время отряд обслуживал перевязочный пункт Серафимовского транспорта, а деятельность его по прививке разных сывороток значительно увеличивала отчетную статистику.

Вообще, деятельность Серафимовского отряда на новом участке заметно развивалась. Посетившие в середине декабря перевязочный пункт отряда и осмотревшие обоз врач для командировок при Санитарном отделе 8-й армии коллежский советник Овянь и старший врач отряда Государственной думы Крженевский признали оборудование образцовым. В это время Серафимовский отряд уже принимал хирургических и терапевтических больных до 50 человек в день⁵¹.

В праздник Рождества Христова дю Шайля направил поздравительную телеграмму Александре Феодоровне: «Благоговейно вспоминая всемилостивейшие напутствия при отъезде в действующую армию, чины Серафимовского передового отряда, состоящего под Августейшим покровительством Вашего Величества, возносив ко Господу горячую молитву о здравии и счастье Вашего Величества, дерзают в Высочайший Праздник Рождества Христова повергнуть к стопам Вашим всепреданнейшие поздравления». Еще одну телеграмму граф отправил архиепископу Сергию⁵².

Императрица ответила: «Сердечно благодарю Вас и всех чинов Серафимовского передового отряда за молитвы и поздравления, да благословит Господь и в будущем году самоотверженные труды Ваши на пользу дорогих наших воинов»⁵³.

⁵¹ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-м. Л. 352–356 об.

⁵² Дю Шайля писал: «Чины Серафимовского передового отряда приносят Вашему Высокопреосвященству и членам комитета поздравления с праздником Рождества Христова, молитвенные пожелания здравия и счастья с наступающим Новым Годом, вспоминая всегдашнюю отзывчивость и внимание Вашего Высокопреосвященства и членов комитета, чины отряда почерпывать будут в них новую силу для дальнейшего ревностного служения Святому делу помощи защитникам родины».

⁵³ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-м. Л. 364–368.

В конце декабря 1915 года в составе отряда Серафимовского транспорта произошли некоторые перемены. Духовник 403-го Вольского полка иеромонах Нил по слабости здоровья запросился в состав Серафимовского транспорта. Тогда дивизионный благочинный перевел его в транспорт, а полковым духовником временно назначил иеромонаха Антония (Лучкина)⁵⁴.

В конце декабря полевой контролер Филиппович провел полную ревизию денежной и материальной отчетности, а также внутреннего хозяйства Серафимовского транспорта с момента формирования. Проверка никаких замечаний не выявила: отчетность велась правильно, и транспорт со всеми вспомогательными учреждениями содержался почти образцово. Единственно, Филиппович предложил вести отчетность по формам и книгам, установленным для войсковых частей, поскольку Серафимовский отряд фактически находился на положении воинской части. До этого же отчетность велась по книгам, полученным со склада Красного Креста при формировании транспорта⁵⁵.

6 января 1916 года в расположении Серафимовского отряда произошел инцидент, едва не обернувшийся трагедией. В час дня, когда персонал только вернулся с Крещенского парада на квартиры, тяжелый 8-дюймовый неприятельский снаряд разорвался в шести шагах от помещения, в котором находились дю Шайля, дивизионный врач Чепурский, командир 113-й отдельной конной сотни ротмистр Присека и иеродиакон Мардарий. Благодаря лишь тому, что снаряд ударил в мерзлый грунт и весь заряд ушел вверх, никто

⁵⁴ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-м. Л. 370

⁵⁵ Там же. Л. 413–413 об.

не погиб. Взрывная волна разнесла в пыль оконные стекла, вырвала металлические части окон и дверей и с силой распахнула внутренние двери, сбив с ног иеродиакона Мардария и повредив кисть его левой руки. Остальных контузило. Граф дю Шайля получил контузию в левую сторону головы и шеи, а также порезы на левой щеке осколками стекла. Хотя дом частично разрушило, санитарное имущество оказалось неповрежденным.

Уже спустя два часа после происшествия у ротмистра Присеки и у графа появились первые признаки контузии⁵⁶.

Несмотря на скверное самочувствие, дю Шайля вынужден был заниматься делами. 7 января Серафимовский отряд начал противотифозные прививки в неблагополучных по тифу полках. В тот же день граф подал рапорт командиру дивизии о причинах большой убыли из полков больных. Дело в том, что во время летнего наступления австрийцы частично разрушили или полностью уничтожили многие селения, из-за чего дивизионные лазареты теперь не имели возможности полноценно развернуться. Вследствие тесноты и неудобства большинства полковых и бригадных околотков, как назывались тогда воинские врачебные пункты, заболевшие и легкораненые нижние чины не могли даже короткое время находиться под наблюдением своих врачей и немедленно эвакуировались в тыловые лечебные заведения, из-за чего части теряли хорошо обученный боевой состав. Чтобы минимализировать убыль личного состава, дю Шайля предложил образовать для дивизии при перевязочном пункте Серафимовского отряда большой сводный околоток.

⁵⁶ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-м. Л. 399.

Благодаря этому нетяжелые больные могли бы поправляться на месте и снова возвращаться в свои части, а не скитаться по тыловым лазаретам. Ознакомившись с соображениями графа, генерал Гильчевский приказал приступить к устройству сводного околотка. Необходимое количество белья, одеял, одежды и медикаментов пожертвовал Ровенский склад Ее Императорского Величества Императрицы Александры Феодоровны.

Между тем давали о себе знать болезненные последствия контузии, ввиду чего дю Шайля намеревался эвакуироваться на две недели для лечения и даже просил командира корпуса временно назначить на свое место офицера⁵⁷. Но ему, кажется, так и не удалось выбраться из Олыки. Было много работы.

Уже 19 января после молебна в присутствии командира дивизии был официально открыт сводный околоток при Серафимовском транспорте. В тот же день комдив объявил отряду транспорта благодарность «за энергичную работу по производству прививок», совершенно остановившую эпидемию.

Вскоре Серафимовскому транспорту вновь пришлось заниматься работой в боевых условиях.

Продолжающиеся обстрелы дивизионных позиций австрийской артиллерией доставляли постоянное беспокойство, а порой, как уже говорилось, приводили и к жертвам. Наконец командование решило прекратить бесцельную потерю людей. Для этого 403-му Вольскому полку было приказано: на рассвете 27 января овладеть занятой неприятелем высотой.

⁵⁷ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-м. Л. 380.

Благодаря неожиданной и решительной атаке полк выполнил задачу. Австрийцы пытались вернуть утраченную позицию и в течение двух дней обстреливали сильным огнем тяжелой артиллерии батальоны 403-го полка. Все пространство возле окопов было изрыто глубокими воронками, напоминая лунный ландшафт, однако полк высоты не оставил, и она примкнула к общей дивизионной позиции⁵⁸.

После этого стало намного спокойней...

«Наша работа по борьбе с заболеваниями, являющимися последствием зимней кампании, идет к концу, – писал в начале февраля в Петроград граф дю Шайля. – Через месяц на Волыни начнется весенняя распутица и вслед за ней наступит великий перелом. По имеющимся сведениям, неприятель сосредотачивает на нашем участке большие силы, располагающие всеми боевыми средствами современной войны. Но с нашей стороны только зима сдерживает еще лавину человеческих сил, которая стихийно сметет те искусственные преграды, за которыми еще держатся истощенные Австро-Германия. Мы усиленно готовимся. В связи с этой подготовкой, а также ввиду моего отъезда командир корпуса разрешил отряду перейти в резерв сроком до 21 сего февраля, когда оканчивается разрешенная мне командиром корпуса служебная поездка»⁵⁹.

Вместе с тем графа сильно беспокоило известие о ходатайстве комитета духовно-учебных заведений передать Серафимовский транспорт в ведение Красного Креста с тем, чтобы все расходы, превышающие ежемесячный взнос, были приняты на его счет. На подобных условиях комитет уже

⁵⁸ Гильчевский К. Л. Указ. соч. – С. 74.

⁵⁹ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-м. Л. 398 об.–399.

передал 1-й и 2-й Серафимовские лазареты. Однако дю Шайля считал, что полное подчинение транспорта Красному Кресту приведет к неминуемому развалу «созданного многими усилиями дела» и «в момент решающих сражений лишит 32-й армейский корпус той санитарной помощи», на которую он имеет право рассчитывать до конца. Свое мнение граф изложил комитету письменно, напомнив, как установилась связь между корпусом и Серафимовским транспортом, а также то, что именно по ходатайству командира корпуса военное ведомство отпустило лошадей, снабдило транспорт нижними чинами, обозными и санитарями, перевозило на свой счет чинов и грузы отряда. Со временем небольшой санитарный транспорт развился в сложную структуру с различными подразделениями, значительно восполнив недостатки дивизионных медицинских учреждений. «Благодаря тому что комитет всегда охотно отпускал все необходимое для нужд учреждения, – писал дю Шайля, – скромный транспорт в результате преобразился в большой передовой отряд, состоящий из перевязочного пункта, транспорта для раненых и больных, амбулатории для воинских частей и, наконец, сводного околотка». Именно совокупность вспомогательных учреждений помогала «сохранить многотысячный состав воинских частей корпуса». Передача же транспорта Красному Кресту, по мнению графа, разрушила бы все дело, так как Красный Крест обязывался содержать лишь транспорт, но не перевязочный пункт, амбулаторию и сводный околоток. «Весь расход на их оборудование становится бесполезным, – писал он, – а главное, в момент весенних заболеваний,

накануне предстоящих великих сражений, корпус лишается обещанной ему помощи»⁶⁰.

Выход дю Шайля видел в том, чтобы при передаче транспорта Красному Кресту переименовать его в отряд и сохранить status quo. Вместе с тем он предлагал свой вариант перенесения части расходов на другое учреждение, а именно, расход по содержанию лошадей и команды нижних чинов отнести на счет сумм Главного интендантского управления. Граф просил комитет разрешить ему обратиться по этому поводу к командиру XXXII корпуса. Ходатайство с отзывами командира корпуса и командующего армией предполагалось направить главному полевому интенданту генералу от инфантерии Дмитрию Савельевичу Шуваеву. А до этого дю Шайля просил комитет задержать переговоры с Красным Крестом, «не прерывая, однако, последние»⁶¹.

Комитет переговоры, конечно, не остановил, но некоторые пожелания графа принял во внимание.

В конце февраля Главное управление Красного Креста согласилось принять в свое ведение Серафимовский транспорт: без передачи его оборудования в собственность Креста, но с обязательством со стороны комитета вносить ежемесячно 3000 рублей. Превышающие эту сумму расходы брал на себя Красный Крест. Кроме того, за комитетом оставлялось содержание начальника транспорта, его помощника и духовника. Вместе с тем Главное управление согласилось переименовать транспорт в передовой отряд с присвоением ему порядкового номера. Именовался он теперь так: «Передовой

⁶⁰ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-м. Л. 399–399 об.

⁶¹ Там же. Л. 400.

перевязочный отряд Красного Креста № 77 во имя преподобного Серафима Саровского, состоящий под Высочайшим Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны покровительством»⁶².

В районе Олыки 101-я дивизия простояла до 2 марта 1916 года, а затем передвинулась в окрестности Ровно – в резерв – чиниться, отдохнуть и готовиться к предстоящей летней кампании. За несколько дней до Пасхи, которая в тот год пришлась на 10 апреля, корпус снова был выведен на позиции. Вместе со штабом дивизии Серафимовский отряд расположился в районе чешской колонии Новины. Дю Шайля получил приказ сразу же после Пасхи приготовить все к обслуживанию боевого участка дивизии. Для этого были вырыты ходы сообщения для выноса раненых из боевой линии, устроены блиндажи и убежища. Мастерские отряда изготовили для быстрого вывоза раненых из района огня специальные конные носилки – волокуши. По распоряжению командира дивизии обоз отряда пополнился 60 обывательскими подводками. Чувствовалось, что готовится что-то серьезное...

В ночь на 16 апреля в дивизии произошел трагический инцидент – на окопы 403-го Вольского полка неожиданно напали мадьяры и заняли их: часть солдат из двух рот перебили сонными, часть захватили в плен. Чтобы выбить мадьяр, пришлось предпринять контратаку, а это привело к новым жертвам – потери составили 7 офицеров и 240 солдат. Между тем были захвачены в плен 23 офицера, 2 врача и более 600 здоровых солдат противника. «Мы ликовали,

⁶² РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-м. Л. 408–408 об.

– вспоминал генерал К. Л. Гильчевский. – Среди общего затишья на всем фронте наших армий это после 1915 г. был большой успех за все время существования 101-й дивизии. После этого дела дивизия воспрянула духом»⁶³.

В тот день отличился начальник Серафимовского отряда граф дю Шайля. В бою у деревни Малая Боярка он под сильным артиллерийским огнем противника руководил работой санитаров и выносом раненых, «проявляя при этом необыкновенное спокойствие и хладнокровие»⁶⁴. Вместе с ним «выдающееся участие в организации помощи раненым» проявили еще два смельчака из отряда транспорта. Старший унтер-офицер Федор Федоров во время боя в районе Малой Боярки и Турецкой горы оказывал помощь раненым, находясь постоянно в зоне сильного артиллерийского огня, и, несмотря на ружейный огонь, вызвался добровольцем выносить раненых из окопов⁶⁵. Младший унтер-офицер Петр Горшенин «изыскивал пути для проведения санитарного обоза возможно ближе к месту боя с большим самообладанием при явной опасности для жизни, исследовал дорогу через северную окраину Турецкой горы под сильным ружейным и пулеметным огнем противника»⁶⁶. Обоих наградили Георгиевскими медалями 4-й степени. Свою вторую Георгиевскую медаль (3-й ст.) получил и граф дю Шайля.

В начале мая награду получил и иеромонах Антоний (Лучкин) – золотой наперсный крест от Святейшего Синода

⁶³ *Гильчевский К. Л.* Указ. соч. – С. 77.

⁶⁴ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-ш. Л. 5.

⁶⁵ Там же. Л. 1.

⁶⁶ Там же. Л. 1–1 об.

«за понесенные пастырские труды во время русско-германской войны».

Как уже говорилось, в войсках витало предчувствие чего-то серьезного. Действительно, высшее командование в это время готовило масштабное наступление Русской армии на трех фронтах – Северном, Западном и Юго-Западном. Наступление являлось частью общего стратегического плана Антанты на 1916 год, предусматривавшего взаимодействие союзных армий на различных театрах войны. Впрочем, Ставка, опасаясь перехода в наступление армий Центральных держав в случае поражения французов под Верденом и желая перехватить инициативу, дала указание командующим фронтами быть готовыми к наступлению ранее намеченного срока.

Опасения оказались небезосновательными. 2 мая австрийские войска перешли в наступление на Итальянском фронте в районе Трентино и нанесли поражение итальянцам. В связи с этим Италия обратилась к России с просьбой активизировать боевые действия в Галиции, где находились в основном австрийские дивизии. Ввиду этого Ставка назначила на 22 мая наступление Юго-Западного фронта, а на 28–29 мая – Западного.

При подготовке операции командующий Юго-Западным фронтом генерал А. А. Брусилов решил произвести по одному прорыву на фронте каждой из четырех своих армий (8-й, 11-й, 7-й и 9-й). Командующим армиями была предоставлена свобода выбора участков прорыва, для чего на направлениях ударов было создано значительное превосходство над противником в живой силе и в артиллерии.

8-й армии, в составе которой находилась 101-я дивизия, как смежной с Западным фронтом, Брусилов отводил главную роль в предстоящем наступлении. Ближайшей стратегической целью стал город Луцк.

Еще в конце апреля генералу Гильчевскому предложили наметить участок для прорыва. Позиция дивизии располагалась по холмам с севера на юг от сгоревшей деревни Корицо до реки Иквы у местечка Муравица. К востоку и западу от позиции простирались глухие леса, а перед ее фронтом в южной части протекала болотистая речка Муравица⁶⁷.

В ночь на 21 мая началась одна из самых громких операций Первой мировой войны, вошедшая в историю под названием Брусиловский прорыв. Ровно в три часа ночи наши орудия начали разрушать мощные укрепления противника, заслужившие особые похвалы генерала Августа Макензена и считавшиеся неприступными. Оборона австрийцев действительно была мощной. По всему фронту позиции состояли не менее чем из трех укрепленных полос на расстоянии друг от друга приблизительно от 3 до 5 верст. Каждую полосу составляли несколько линий окопов полного профиля, выше человеческого роста, с множеством блиндажей, убежищ, «лисыих нор», бетонных бойниц, стальных щитов, козырьков и целой системой многочисленных ходов сообщения для связи с тылом. Окопы располагались так, что подступы к позициям обстреливались перекрестным ружейным и пулеметным огнем. Убежища выглядели очень основательно и защищали людей не только от легких, но и от тяжелых артиллерийских снарядов. В некоторых местах

⁶⁷ Гильчевский К. Л. Указ. соч. – С. 77.

они устраивались даже с комфортом: стены и потолки обшиты досками, полы дощатые или глинобитные, нередко имелись окна с застекленными рамами. В помещениях ставились складные железные печи, устраивались нары и полки. Старшие офицеры размещались в помещениях из трех-четырех комнат с кухней, с крашеными полами и со стенами, оклеенными обоями. Окопы в обилии были снабжены пулеметами, траншейными пушками, огнеметами, минометами, ручными гранатами и пр. Каждая укрепленная полоса австрийских позиций густо оплеталась колючей проволокой: перед фронтом тянулась проволочная сеть из 19–21 ряда кольев. Местами таких полос было несколько. Нередко ряды оплетала настолько толстая стальная проволока, что ее невозможно было разрезать ножницами. На некоторых боевых участках через проволоку заграждений пропускался переменный электрический ток высокого напряжения, иногда подвешивались бомбы, и во многих местах перед первой полосой закладывались самовзрывающиеся фугасы⁶⁸.

Очевидно, что осуществление прорыва столь основательно укрепленных позиций противника было делом чрезвычайно трудным. И, тем не менее, командование верило в успех.

22 мая после усиленной артподготовки 11-я и 9-я армии начали наступление, а 23 мая в наступление перешла 8-я армия. 101-я дивизия, хотя и была в составе последней, однако как смежная начала боевые действия в первый день общего наступления.

Накануне в частях царило огромное напряжение, все готовились к предстоящему сражению. К усиленной работе

⁶⁸ Брусилов А. А. Мои воспоминания. – М.: Воениздат, 1963. – С. 220–221.

приготавливался и Серафимовский санитарный отряд. Предполагая большие потери, командир дивизии генерал-майор К. Л. Гильчевский предусмотрительно передал в его распоряжение роту носильщиков в составе 250 строевых нижних чинов. К рассвету 22 мая носильщики вошли в первую линию окопов, а конные носилки стали в блиндажах у ходов сообщения. В девять часов утра артиллерия, значительно разрушив первую полосу обороны и частично нейтрализовав артиллерию противника, перенесла огонь на вторую линию укреплений. Одновременно с этим началась атака...

Однако сразу же после прекращения огня русских орудий австрийская артиллерия открыла плотный заградительный огонь по вышедшим из окопов нашим штурмовым группам. Несмотря на большие потери, группы быстро пробежали к пробитым в заграждениях проходам, но там почти в упор были встречены сильным пулеметно-ружейным огнем и огнеметами. Было видно, как солдаты замялись и залегли возле проволочных заграждений. Австрийцы их долго расстреливали, и все эти смельчаки погибли.

В этот день штурм частями 101-й дивизии австрийских позиций у колонии Фальковцизна потерпел полный крах. За несколько часов полки потеряли около 800 человек убитыми и ранеными. Много людей было сожжено австрийскими огнеметами, под пылающей струей которых оплавливались даже металлические части винтовок⁶⁹.

Тяжелый труд в этот день выпал на долю Серафимовского перевязочного отряда. Без промедления, через ходы сообщения носильщики выносили раненых и складывали в

⁶⁹ Гильчевский К. Л. Указ. соч. – С. 82.

убежище, где им оказывали первую помощь, останавливали кровотечение, поили. Затем по открытой местности, под летящими пулями, конные носилки рысью вывозили раненых на полковой перевязочный пункт. Там же стояли обоз и санитарные двуколки, курсировавшие между полковым и дивизионным перевязочными пунктами, отстоящими друг от друга на три версты. Благодаря оперативной работе санитарного отряда раненые солдаты уже через полтора часа после ранения попадали на операционный стол⁷⁰.

Быстрая доставка раненых для оказания квалифицированной медицинской помощи была исключительно важным моментом. Нередко ранения, не смертельные сами по себе, сопровождались смертельным кровотечением. Наложение повязки в таких случаях помогало мало, необходим был шов, наложение которого требовало времени и гигиенических условий. Между тем поток раненых во время боя всегда очень большой, а вокруг рвутся снаряды, жужжат пули. И единственное, что остается, как можно быстрее доставлять раненых в лазарет. «Мне приходилось видеть, – вспоминал военный врач, – как раненые не идут, а бегут в направлении лазарета. Бегут они не от боли, не от пуль; они чувствуют опасность кровотечения и ищут помощи. Бежит иной и падает; лишь бы тем или иным способом добраться до лазарета, а там помощь обеспечена»⁷¹. Вот тут-то и выручали санитарные передовые транспорты...

К сожалению, из-за сильного огня не всех раненых удавалось забрать с поля боя. Приходилось

⁷⁰ О деятельности Комитета Красного Креста духовно-учебных заведений // Прибавления к Церковным Ведомостям. – 1916. – № 39. – С. 962.

⁷¹ Самохвалов А. На передовых позициях // Вестник Красного Креста. – 1915. – № 4. – С. 1454.

дождаться наступления темноты. Многие, конечно, не выживали. В ночь с 22 на 23 мая уже упоминавшийся ранее младший унтер-офицер Елпидифор Ионов вместе с ротными санитарями 402-го полка вынес раненых, лежавших между австрийскими и русскими окопами⁷².

После неудачной атаки генерал К. Л. Гильчевский решил изменить тактику штурма и повторить его на следующий день. Однако, когда началась артподготовка, австрийская артиллерия открыла ответный огонь, начав обстреливать батареи дивизии и наблюдательный пункт химическими снарядами. Желтый ядовитый газ разъедал глаза и вызывал отек легких.

Перед выходом из окопов штурмовых групп комдив приказал артиллеристам не прекращать огня и не переносить его на вторую линию окопов, пока штурмующая пехота не пройдет проходы в заграждениях. Это должно было задержать противника в его «норах» и «щелях», и войска, таким образом, следовали бы вперед без встречного ружейного и пулеметного огня и не понесли бы в начале штурма больших потерь.

На этот раз атака оказалась успешной, и австрийские позиции были взяты. Противник вместе с прибывшим подкреплением пытался задержаться на опушках рощ, но его быстро выбивали увлеченные и разгоряченные победой наступающие полки.

В этот день 101-я дивизия продвинулась на много верст вперед, потеряв только около 300 человек⁷³.

⁷² РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-ш. Л. 2.

⁷³ *Гильчевский К. Л.* Указ. соч. – С. 83–86.

Во время этих боев вновь отличились унтер-офицеры Федор Федоров и Петр Горшенин из Серафимовского отряда. Федоров, находясь часто под шквальным артиллерийским и ружейным огнем, вынес с поля боя свыше 500 раненых. Горшенин, будучи в те дни конным ординарцем, после прорыва фронта противника проехал «непосредственно после 9-й горной батареи за бывшими позициями противника разыскивать раненых 402-го Усть-Медведского полка»⁷⁴. Отличились и другие. Фельдфебель Яков Сурков и старший унтер-офицер Дмитрий Костенко в дни боев руководили разгрузкой раненых у блиндажа перевязочного пункта, устроенного в районе «действительного ружейного и артиллерийского огня противника». Рядовые Станислав Коза, Сергей Исаков, Павел Томашевский, Григорий Трюхин, Александр Роскос, будучи ездовыми вьючных носилок, героически работали под огнем противника, вывозя раненых с поля боя. Причем под рядовым Коза была убита лошадь⁷⁵. Всех этих смельчаков наградили Георгиевскими медалями разных степеней.

Наступление продолжалось. 25 мая 101-я дивизия заняла позицию на линии реки Иквы, овладев переправой у местечка Торговица. В последующие дни она участвовала в операции по форсированию реки и захвату австрийских позиций на противоположном берегу у села Бокуйма. Во время этих боев «чрезвычайно тяжелый труд выпал на долю санитаров и носильщиков». Под сильным огнем противника им приходилось вытаскивать из болота увязших в нем и тонущих раненых. Дело в том, что долина реки оказалась

⁷⁴ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-ш. Л. 1 об.-2.

⁷⁵ Там же. Л. 2.

сильно заболочена, так что раненым приходилось пробираться к своим через топь⁷⁶.

Между тем наступление русских армий успешно шло по всему Юго-Западному фронту. Уже первые дни принесли победы, каких Россия в эту войну еще не одерживала.

В последних числах мая генерал А. А. Брусилов приказал передать для усиления 11-й армии в ее распоряжение смежный с ней XXXII корпус, состоящий из двух ополченских дивизий – 101-й и 105-й. Таким образом, Серафимовский отряд вместе с дивизией оказался в составе 11-й армии, находившейся под командованием генерала от инфантерии В. В. Сахарова. По его распоряжению XXXII корпус, только что завершивший бои, на некоторое время был «придержан», не доходя до следующего за Иквой рубежа – реки Пляшевки, чтобы «дать возможность подравняться» XVII корпусу.

В эти дни командир 101-й дивизии К. Л. Гильчевский передал в распоряжение Серафимовского перевязочного отряда захваченные в боях две прекрасные вьючные аптеки.

2 июня 101-я дивизия геройски форсировала речку Пляшевку. Хотя река была невелика, долину ее покрывали глубокие болота и большие пруды, густо заросшие болотными растениями, что скрадывало их глубину. За речкой на большом протяжении располагались австрийские позиции. 404-й Камышинский полк под ураганным огнем противника бросился в Пляшевку и перешел по горло в воде. К сожалению, шестая рота камышинцев, попав в глубокое место, утонула полностью. Победа была одержана, но досталась дорогой ценой – дивизия понесла огромные потери. «На

⁷⁶ О деятельности Комитета Красного Креста духовно-учебных заведений // Прибавления к Церковным Ведомостям. – 1916. – № 39. – С. 962.

поле боя была масса убитых и раненых, – писал Гильчевский. – Дивизия еще не потеряла столько людей. Очевидно, бой был очень упорный. Полки дивизии потеряли 2853 солдата убитыми и ранеными и 31 офицера – 30 процентов наличного состава. 2 июня была первая очень крупная потеря в бою, но зато дивизия достигла и крупных успехов»⁷⁷.

После этих боев командир дивизии «за умелую организацию помощи раненым на поле боя под огнем противника» представил графа дю Шайля к Георгиевской медали 2-й степени⁷⁸.

4 июня дивизия передвинулась из района деревни Малое Ситно в окрестности местечка Радзивиллов, на болотистую речку Слониевку, заняв оборонительную позицию. Так как за три предшествующих боя дивизия понесла значительные потери, выполнять активные задачи она временно не могла. Поэтому пришлось заняться исключительно укреплением позиции и спешным обучением прибывшего пополнения. Особое внимание обращалось на обучение полков маневрированию и ведению боя в лесах, которых на Волыни было очень много. А между тем эти навыки у личного состава практически отсутствовали.

9 июня генерал К. Л. Гильчевский получил приказ оказать содействие 105-й дивизии в атаке сильно укрепленной австрийской позиции у деревни Редьково. Для этого предстояло переправиться через речку Слониевку. Однако, перейдя реку, четыре наступающих батальона попали в болото, а затем в старое глубокое русло Слониевки, которое не смогли преодолеть. Передовые роты вынуждены были

⁷⁷ Гильчевский К. Л. Указ. соч. – С. 107.

⁷⁸ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-ш. Л. 6.

залечь в болотах. Атака потерпела неудачу, а потери составили около 600 человек с шестью офицерами. И снова санитарам приходилось выносить раненых через болото и реку. От наступления на данном участке фронта временно пришлось отказаться.

24 июня 101-я дивизия сосредоточилась на реке Стырь, напротив австрийской позиции, имевшей впереди предмостное укрепление в две линии окопов с проволочными заграждениями. 3 июля дивизия силами 403-го Вольского полка предприняла попытку овладеть предмостным укреплением противника. Вечером, после частого обстрела вражеских окопов, полк бросился в атаку. Его штурмовые группы встретил заградительный артиллерийский огонь австрийской легкой и тяжелой артиллерии, а также сильный ружейный и пулеметный огонь с близких дистанций. Понеся в короткое время большие потери, поредевшие штурмовые группы отхлынули в свои окопы.

Через час 403-й полк повторил атаку, но она также была отбита. Спустя два часа была произведена третья атака, но снова неудачно. Безуспешными оказались еще две атаки. Все пять атак 403-го полка, при больших потерях, были отражены противником, упорно защищавшим позицию.

Ночью комдив организовал еще одну атаку, но уже силами двух полков. На этот раз удалось выбить австрийцев из предмостного укрепления, и его гарнизон поспешно отошел на левый берег Стыри, взорвав деревянные мосты. Полки потеряли около 700 человек с семью офицерами.

7 июля 101-я дивизия совместно с другими частями начала форсирование Стыри, приняв на себя всю тяжесть

упорного боя на левом берегу. Она же понесла и огромные людские потери – потери еще небывалые. Уже к вечеру дивизия оказалась на левом берегу, дойдя до Берестечка. 404-й Камышинский полк, забирая пленных, неожиданно попал под перекрестный огонь австрийской артиллерии. Пехота противника дважды контратаковала. В течение короткого времени от яростного огня 404-й полк потерял 2100 солдат и 32 офицера. Во время боя шрапнельная пуля смертельно ранила командира полка Петра Яковлевича Татарова. Падая, он успел выкрикнуть: «Умираю, камышинцы вперед!» Человек бесстрашный, ветеран Шипки, Татаров был одним из лучших полковых командиров дивизии. «Для 101-й дивизии это была очень крупная потеря, – вспоминал Гильчевский. – Мы лишились доблестного, храброго и симпатичного товарища. Накануне, когда я передавал ему приказание о форсировании Стыри, он долго упирался, чего с ним ранее не бывало. По-видимому, у него было предчувствие близкой смерти»⁷⁹. Во время боя Серафимовский перевязочный отряд находился у штаба полка, а носильщики шли в передовой цепи. Они и вынесли тело убитого полковника Татарова⁸⁰.

На рассвете 8 июля передовые роты и разведчики 403-го полка заняли Берестечко и захватили мост через Стырь у деревни Пески. Бой завершился. Все полки, особенно 404-й, оказались крайне переутомлены и расстроены громадными потерями. 101-я дивизия, ведя сражение единолично, должна была сломить упорство противника собственными силами, принять на себя все его контрудары и понесла огромные

⁷⁹ Гильчевский К. Л. Указ. соч. – С. 108–119.

⁸⁰ О деятельности Комитета Красного Креста духовно-учебных заведений // Прибавления к Церковным Ведомостям. – 1916. – № 39. – С. 962.

потери – 66 процентов личного состава. Дивизия из 9000 человек потеряла около 6000 убитыми и ранеными нижних чинов и 80 офицеров⁸¹. Это была самая тяжелая и вместе с тем самая лучшая ее операция. Во время боя у Берестечка Серафимовский отряд потерял убитым одного носильщика.

В боях у деревни Вербень на реке Стырь и у деревни Бугаевки снова отличился бесстрашный младший унтер-офицер Петр Горшенин. Под неприятельским огнем он перевязывал раненых и выносил их из-под обстрела⁸². За полтора месяца боев Горшенин удостоился двух Георгиевских медалей – 3-й и 2-й степени.

Хотя 101-я дивизия в последних сражениях понесла громадные потери, а пополнение еще не прибыло, тем не менее, из штаба 11-й армии пришел приказ: немедленно перейти на речку Слониевку за 25 верст от Берестечка и форсировать ее 11 июля.

«Становилось тяжело, – вспоминал К. Л. Гильчевский. – Когда в каждой операции приходилось всю тяжесть боя принимать дивизии на себя без содействия соседних войск, – дивизия должна была, чтобы достигнуть успеха, употреблять невероятные усилия и не останавливаться перед крупными потерями»⁸³. Невероятные усилия вместе с тем приходилось прилагать и Серафимовскому передовому перевязочному отряду, обслуживавшему дивизию.

Дойдя до Слониевки, 101-я дивизия заняла прежнюю позицию, с которой месяц назад предприняла неудачную

⁸¹ Гильчевский К. Л. Указ. соч. – С. 120.

⁸² РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-ш. Л. 30–30 об.

⁸³ Гильчевский К. Л. Указ. соч. – С. 122.

атаку, стоившую ей значительных потерь. Между тем штаб армии отложил операцию по форсированию реки с 11 на 12 июля. Это дало возможность подготовиться к грядущему тяжелому бою. Дивизии предстояло форсировать речку Слониевку и атаковать противника на его укрепленной позиции, а затем наступать на деревню Клекотув, лес Воляник и далее на город Броды. Вместе с тем К. Л. Гильчевский получил приказ о своем производстве в генерал-лейтенанты.

На этот раз атака была подготовлена гораздо лучше – учли прошлый неудачный опыт. Ночью накануне боя несколько рот, переправившись через речку и закрепившись на болотах и в рощицах на левом берегу, прикрыли устройство мостов. В семь часов утра 12 июля началась артподготовка атаки. Легкая артиллерия пробивала проходы в заграждениях, а гаубичные батареи обстреливали внутреннее пространство клекотувской рощи, батареи противника, пулеметные гнезда и фланкирующие постройки в окопах. Однако дивизия, перейдя речку, встретила упорное сопротивление австрийских частей. Так началось тяжелое трехдневное сражение за город Броды.

В первый день боя отступавшему отряду австрийцев удалось закрепиться в шести верстах от Брод на северной опушке леса Воляник. Это была важная позиция, с которой можно было контролировать шоссе Броды–Лешнюв. Кроме того, в окрестных лесах скрывались, хотя и рассеянные, но еще боеспособные части противника.

Обессиленные и без того полки 101-й дивизии за этот бой ослабли еще больше, и, тем не менее, дивизия должна была выполнить поставленную задачу: занять лес Воляник,

атаковать 13 июля противника к югу от леса и затем наступать на Броды.

Готовя главный удар, К. Л. Гильчевский разместил наблюдательный пункт и штаб в сарае возле охотничьего домика на южной опушке рощи. Дом не занимали, так как он находился всего в версте от противника и был на виду. Наблюдательным пунктом служил одиночный стрелковый окоп перед домом лесника. Здесь же рядом со штабом расположились обоз Серафимовского отряда и рота носильщиков.

Атака австрийских позиций в роще Воляник началась поздним вечером. Во время нее смертельное ранение в живот получил новый командир 404-го Камышинского полка Дзякевич. Хотя санитарам и удалось на конных носилках вывезти его с поля боя, он вскоре скончался⁸⁴.

Бои в лесных массивах шли с переменным успехом. Тем временем силы дивизии истощались все более и более. Она дралась фактически на пределе возможностей.

К вечеру 14 июля Гильчевский стал готовить вторую атаку рощи: сам обошел опушку леса и указал места для пулеметов и цепей. После этого он приказал пулеметным и учебным командам обстрелять австрийские позиции возле деревни Конюшков, где, не таясь, по окопам расхаживали солдаты. В ответ противник открыл орудийный огонь по опушке леса и дому лесника.

Во время начавшейся нашей атаки к наблюдательному пункту подошел начальник штаба полковник Тарас Михайлович Протазанов и стал увлеченно наблюдать за боем. Вокруг свистели пули. Ради его безопасности К. Л. Гильчевский

⁸⁴ Гильчевский К. Л. Указ. соч. – С. 123–127.

предложил полковнику спуститься в окопчик и принял шаг влево. Но буквально через несколько мгновений Протазанов вскрикнул и рухнул на дно окопа. Ружейная пуля, пройдя окопный вал, ударила ему в грудь, пробив правое легкое. Благо рядом находился санитарный обоз. Первую перевязку полковнику сделал фельдшерский ученик отряда младший унтер-офицер Елпидифор Ионов⁸⁵. Затем на конных носилках полковника вывезли на перевязочный дивизионный пункт в деревню Шнырув, а после операции на эвакуационный пункт в Рудню-Почаевскую. Через три месяца Протазанов возвратился в дивизию совершенно здоровым, а унтер-офицер Е. Ионов получил Георгиевскую медаль 3-й степени⁸⁶.

Между тем первые две атаки лесной позиции противника оказались неудачными. В девять часов вечера комдив приказал мизерным остаткам полков в последний раз штурмовать рощу. И это последнее усилие принесло успех. Роща, наконец, была занята. Противник стал быстро отступать в юго-западном направлении за болотистую реку Балдурку.

Последняя атака дивизии, по воспоминаниям Гильчевского, была проведена уже с полным истощением сил, энергии и напряжения. Практически не прекращающиеся трехдневные бои и сильное переутомление притупили нервы и вызвали апатичное отношение ко всему происходящему. На громадные потери все смотрели уже равнодушно. Люди залегли в наспех вырытых перед противником окопах и не двигались с места.

Однако комдив, сам не спавший двое суток, «по привычке не мог отрешиться от мысли окончить так хорошо

⁸⁵ Гильчевский К. Л. Указ. соч. – С. 128–130.

⁸⁶ О деятельности Комитета Красного Креста духовно-учебных заведений // Прибавления к Церковным Ведомостям. – 1916. – № 39. – С. 962.

начавшийся бой». Он проявлял прежнюю настойчивость и часто по телефону понуждал командиров полков закончить третий день боя победой. На пределе сил был сделан еще один натиск, и к ночи наши войска взяли город Броды⁸⁷.

За последние дни боев особенно отличился член команды Серафимовского отряда фельдфебель Яков Сурков. Во время боя 14 июля он под сильным огнем противника руководил перевязкой раненых, «проявляя при этом самоотвержение и мужество» (награжден Георгиевской медалью 3-й степени). Отличились также младший унтер-офицер Филат Александров и рядовые Василий Тирзи, Евсей Кирюлюк, Петр Чумарин, Мустафа Балабанов, Иван Романютин, Иван Коровай, Афанасий Рудик, Игнат Заболотный, Михаил Сидоров (всех наградили Георгиевскими медалями 4-й степени)⁸⁸.

Через несколько дней после взятия Брод 101-ю дивизию отвели в район Старая Баранья для отдыха и доукомплектования.

В течение прошедших почти двух месяцев с 22 мая по 15 июля 101-я ополченская дивизия дала девять боев, сделала семь прорывов сильно укрепленных позиций, из них четыре с предварительным форсированием болотистых рек. За это время она потеряла убитыми и ранеными более 20 000 человек, несколько составов офицеров, двух командиров полков и начальника штаба дивизии.

Но вместе с тем 101-я дивизия прошла поистине героический путь. Рядом с ней этот героический путь прошел и Серафимовский передовой перевязочный отряд комитета

⁸⁷ Гильчевский К. Л. Указ. соч. – С. 130–131.

⁸⁸ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-ш. Л. 29 об.

Красного Креста духовно-учебных заведений Российской империи. Согласно отчету графа дю Шайля, отрядом за время с 22 мая по 20 июля было подобрано с поля сражения и перевезено тяжелораненых: в мае – 2971, в июне – 1870, в июле – 2351; больных: в мае – 109, в июне – 26; принято амбулаторно: в мае – 79, в июне – 37. Отряд обслуживал как коренные части дивизии, так и части временно ей приданные. Всем раненым оказывалась не только медицинская помощь, но выдавались чай, пища, белье. Потери отряда составили: один убитый, девять раненых и контуженых⁸⁹.

Благодаря объединению Серафимовского отряда с главным перевязочным отрядом дивизии в транспорте безвозмездно работали четыре врача, в том числе и старший врач – известный московский хирург. Кроме того, супруги некоторых врачей работали безвозмездно в качестве сестер милосердия⁹⁰.

Вскоре в Серафимовском отряде прошли очередные награждения. Приказом войскам 11-й армии от 31 августа 1916 года иеромонах Антоний (Лучкин) «за отличия в делах против неприятеля» был награжден орденом Святой Анны 3-й степени с мечами. Георгиевские медали 4-й степени получили сестры милосердия Любовь Евгеньевна Попкова и Мария Максимовна Потапова за то, что с 22 июня по 15 июля 1916 года «находились на перевязочном пункте 101-й дивизии, под действительным артиллерийским огнем противника, оказывали помощь раненым, выказывая при этом выдающееся самообладание». Георгиевской медалью 4-й степени наградили также младшего фельдшера

⁸⁹ О деятельности Комитета Красного Креста духовно-учебных заведений // Прибавления к Церковным Ведомостям. – 1916. – № 39. – С. 962–963.

⁹⁰ Там же.

И. В. Петрушова за то, что в боях с 7 по 17 июля под артиллерийским огнем неприятеля «самоотверженно и с полным хладнокровием подавал помощь раненым»⁹¹.

Для дивизии и Серафимовского отряда закончился тяжелейший период боев, однако началась другая «война» – бюрократическая.

Еще в самый разгар июльских боев дю Шайля получил от уполномоченного Красного Креста при 11-й армии очень странную телеграмму, в которой сообщалось, что Серафимовский отряд предполагается расформировать. Граф передал известие генералу Гильчевскому, который незамедлительно отправил в Петроград архиепископу Сергию телеграмму с просьбой заступиться перед Главным управлением Красного Креста за Серафимовский отряд и оставить его при дивизии. Генерал писал, что отряд заслужил во всех частях дивизии «полное уважение, и лишиться его по неизвестным причинам было бы для всех тяжело»⁹².

В свою очередь комитет духовно-учебных заведений обратился к главноуполномоченному Красного Креста на Юго-Западном фронте с просьбой: «не признано ли будет возможным, без ущерба для врачебно-санитарного дела, оставить передовой отряд при 101-й дивизии, командный состав которой относится в высшей степени внимательно ко всем нуждам отряда, причем не остановится перед затратой личных средств для пополнения инвентаря отряда»⁹³.

19 июля генерал Гильчевский вновь обратился к архиепископу Сергию, сообщив, что Серафимовский отряд

⁹¹ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-ш. Л. 28.

⁹² Там же. Л. 12–12 об.

⁹³ Там же. Л. 17.

подвергается стеснениям со стороны Красного Креста, который «отказывает отряду даже в отпуске перевязочных материалов». Генерал просил защитить отряд от «незаслуженных нападков»⁹⁴.

Через несколько дней архиепископу писал уже командир XXXII корпуса И. И. Федотов: «Счастливы засвидетельствовать перед Вашим Высокопреосвященством о многопольной и беззаветной работе детища Вашего Серафимовского передового перевязочного отряда во главе с его доблестным начальником графом дю-Шайля. За 15 месяцев работы на боевых линиях 32 корпуса, бесстрашно приходя на помощь раненым, этот отряд совершенно сроднился с корпусом и нам было бы особенно жаль, если бы этот отряд, сформированный попечением Вашим для 32 корпуса, был бы отнят у него»⁹⁵.

Ситуация, однако, не менялась.

В конце июля дю Шайля по поручению генерала Гильчевского выехал в Петроград лично просить комитет закрепить Серафимовский отряд за 101-й пехотной дивизией и передать его в военное ведомство⁹⁶.

Доклад графа был заслушан комитетом в заседании 3 августа. В результате комитет принял решение войти в контакт с командиром XXXII корпуса относительно перечисления отряда из ведомства Красного Креста в военное ведомство с условием уплаты комитетом ежемесячно на содержание его по 3000 рублей. При этом отряд должен был находиться в непосредственном ведении командира корпуса⁹⁷.

⁹⁴ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-ш. Л. 11.

⁹⁵ Там же. Л. 14.

⁹⁶ Там же. Л. 7.

⁹⁷ Там же. Л. 18.

Императрица Александра Феодоровна,
Августейшая покровительница передового перевязочного отряда
имени преподобного Серафима Саровского.

Генерал-майор Константин Лукич Гильчевский с наградным Георгиевским оружием.

Русские солдаты наблюдают из окопа за неприятельским разездом.
(РГАКФД, 2-33189)

Отдых после боя. Походная кухня.

Галиция. Бивак. Фото А. Буллы.

В пути к передовому перевязочному пункту. Юго-Западный фронт. Фото 1915 г.
(РГАКФД. Ал. 131, сн. 59)

Санитары и сестры милосердия переносят раненого в медицинский пункт. Фото 1915 г.
(ЦГАКФФД СПб. В-4827)

Сдача винтовок ранеными. Фото Дворецкого.

Группа раненых, самостоятельно добирающихся в расположение полевого медицинского пункта. Юго-Западный фронт. Фото 25 августа 1915 г. (РГАКФД. Ал. 131, сн. 66)

Русская артиллерия: переправа через реку.
(«Летопись войны». 1914–1915 гг. № 47. С. 751)

Линейка для перевозки раненых. Фото Дворецкого.

Группа военных у совершившего аварийную посадку самолета капитана Степанова.
Львовская обл., г. Старый Самбор, 1915 г. (ЦГАКФФД СПб. А-7885)

Позиция 5-й батареи 71-й артиллерийской бригады в лесу вблизи деревни Куликовичи.
Фото 12 октября 1915 г. (РГАКФД. Ал. 131, сн. 59)

Конные носилки – волокуши. (ЦГАКФФД СПб. Г-16423)

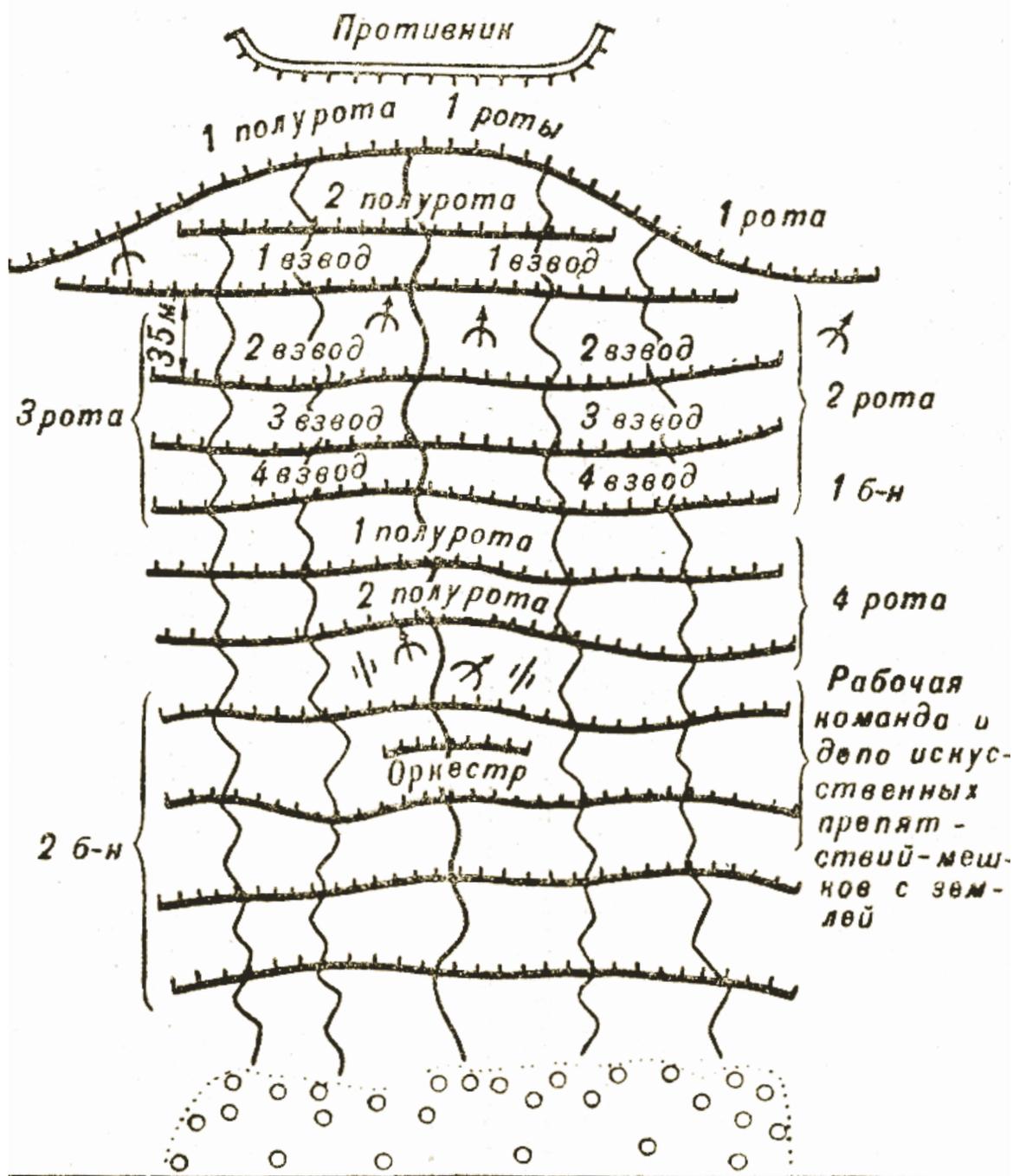
Галиция. Раненые. Фото штабс-капитана Корсакова.

Санитарный пункт.

Перевозка раненых.
(РГАКФД. Ал. 1188/2, сн. 4)

Условные обозначения

Щель Ход сообщения Средний ход сообщения

Первая линия русских окопов во время затишья. Юго-Западный фронт. Сентябрь 1915 г.
(ЦГАКФФД СПб. А-11185)

Санитарный транспорт. Юго-Западный фронт. Фото 1915–1916 гг.
(РГВИА. Ф. 12651. Оп. 3. Д. 411. Л. 19)

Походная кузница. Фото 1916 г. (РГАКФД. Ал. 62, сн. 85)

Санитарный транспорт в походе. Юго-Западный фронт. Фото 1915–1916 гг.
(РГВИА. Ф. 12651. Оп. 3. Д. 411. Л. 25)

Подвижное отделение полевого склада. Станция Сарны Волынской губ.
Фото 1915–1916 гг. (РГВИА. Ф. 12651. Оп. 3. Д. 411. Л. 32)

Весна на позициях.

Отдых.

Галиция. Походная хлебопекарня. Фото К. Р. Сидорова, 1916 г.
(<http://fotki.yandex.ru/users/juliafotki/view/31988?page=0>)

Походная военная кузница.
(<http://fotki.yandex.ru/users/juliafotki/view/31986/?page=0>)

Вьючный отряд Серафимовского транспорта выходит на позицию.
Впереди на лошади, предположительно, граф А. М. дю Шайля.
Фото 1915–1916 г. (РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 639. Л. 14)

Перевязочная Серафимовского отряда в селе Грозинцы.
Крайний слева фельдшер иеродиакон Мардарий.
Фото 1916 г. (РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 639. Л. 13)

Перевязочный пункт Серафимовского отряда в местечке Олыка.
Перед крыльцом медицинский персонал.
Фото 1916 г. (РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 639. Л. 11)

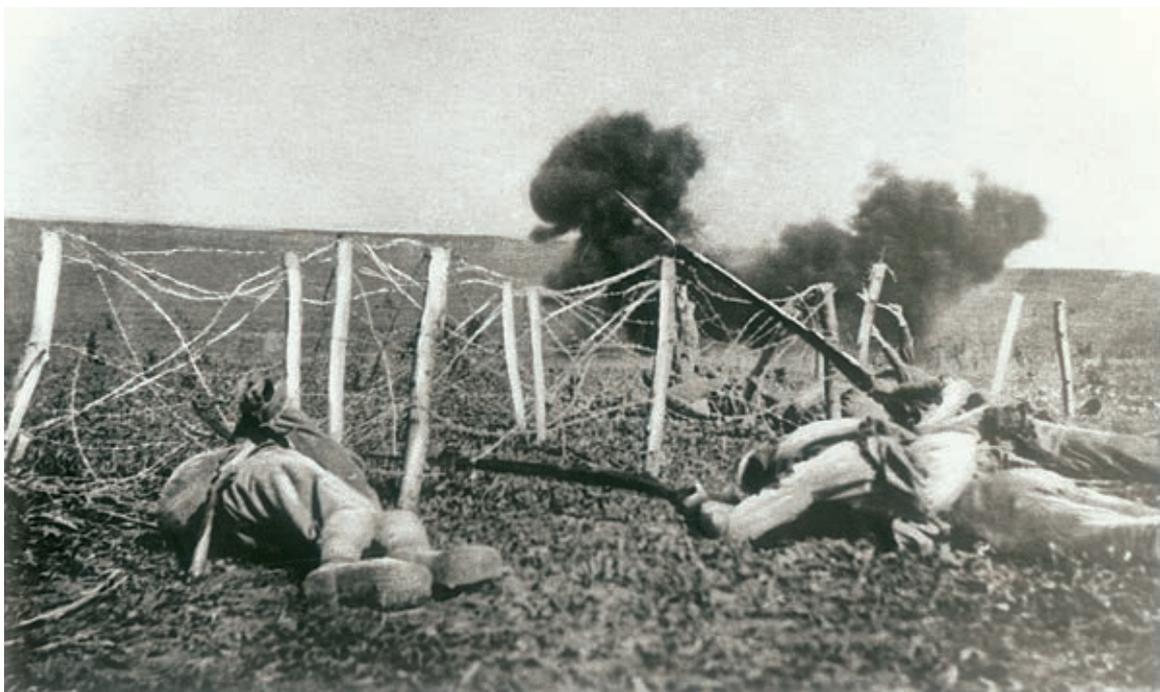
Перевязочная Серафимовского отряда в местечке Олыка.
Крайний слева фельдшер иеродиакон Мардарий, справа сидит фельдшерница М. А. Зверева.
В правом углу видна икона преподобного Серафима Саровского, подаренная отряду в Петрограде.
Фото 1916 г. (РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 639. Л. 12)

Солдаты 503-го полка в окопах у селения Гронималовка ведут огонь по противнику.
Фото 1916 г. (РГАКФД, 4-22359)

Русские солдаты у входа в блиндаж на позиции.
(РГАКФД, 33227)

Трупы русских солдат у проволочных заграждений.
(РГАКФД. 2-48400)

Эвакуация раненых.
(РГАКФД. Ал. 1188/2, сн. 3)

Замаскированное орудие на первой позиции. Юго-Западный фронт.
Фото 1914–1916 гг. (ЦГАКФФД СПб. Г-14904)

Пулеметная команда.
(РГАКФД. Ал. 131, сн. 35)

Окопы, оставленные австрийскими солдатами у деревни Цебров. Юго-Западный фронт.
2 августа 1916 г. (ЦГАКФФД СПб. Б-1158)

Трупы солдат на поле боя. Юго-Западный фронт. Фото 1914–1915 гг.
(ЦГАКФФД СПб. В-979)

Река Стырь. Вдали церковь села Вишенки. Фото 1916 г.
(РГАКФД. Ал. 62, сн. 130)

Река Стырь. По берегу тянутся русские окопы. Фото 10 июля 1916 г.
(РГАКФД. Ал. 62, сн. 132)

У походной кухни. (РГАКФД, Ал. 580, сн. 32)

Командир 101-й дивизии генерал-лейтенант К. Л. Гильчевский со штабом у захваченных у австрийцев артиллерийских орудий в деревне Вербень. Июль 1916 г. (РГАКФД, Ал. 97, сн. 52)

Похоронная команда у тел убитых.
(РГАКФД, 2-100-481)

Братские могилы.
(РГАКФД, Ал. 580, сн. 7)

Вернувшись 15 августа из Петрограда, дю Шайля представил генералу Гильчевскому рапорт, в котором сообщил о состоявшемся решении. На основании этого Гильчевский через несколько дней отправил соответствующее ходатайство командиру XXXII корпуса, который передал его корпусному интенданту полковнику П. Н. Сретенскому, для «составления мотивированного доклада».

Вместе с тем Гильчевский отправил телеграмму главноуполномоченному Красного Креста на Юго-Западном фронте: «Во избежание недоразумений сообщаю, что комитет духовно-учебных заведений отношением от 3 августа с. г. за № 535 уведомил меня о состоявшемся постановлении изъять Серафимовский отряд из ведения Креста и передать в мое непосредственное ведение. Постановление с моим ходатайством направлено на утверждение высшего военного начальства»⁹⁸.

Главноуполномоченный сообщил о якобы состоявшейся передаче в военное ведомство Серафимовского отряда в Главное управление Красного Креста. Естественно, известие это вызвало там недоумение, поскольку после передачи отряда в ведение Креста комитет не имел права распоряжаться его судьбой. А ходатайство о передаче его военному ведомству должен был направить непосредственно в Главное управление.

Следует сказать, что Красный Крест сразу отнесся отрицательно к вопросу о передаче Серафимовского отряда в ведение военных, что вылилось в «крайне обостренное

⁹⁸ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-ш. Л. 23.

отношение» между его представителями и войсковым начальством.

1 сентября дю Шайля телеграфировал в комитет, что ходатайство о перечислении отряда в военное ведомство с принятием расходов по содержанию команды за счет последнего разрешится положительно в ближайшие дни⁹⁹. Сообщение это комитет переправил в Главное управление Красного Креста, уведомив вместе с тем, что никаких постановлений о передаче отряда в военное ведомство не выносил и окончательные суждения по этому вопросу могут быть лишь по получении ответа от командира XXXII армейского корпуса и после предварительного согласования с Главным управлением¹⁰⁰.

В тот же день главноуполномоченный сенатор Б. Е. Ивановичский сообщил генералу Гильчевскому, что комитет не предполагает передавать отряд военным, а, напротив, вошел в Главное управление с ходатайством о полном объединении его с учреждениями Креста.

Между тем, согласно «Положению о полевом управлении войск в военное время», главноуполномоченный Красного Креста являлся общим распорядителем в районе, подчиненном главнокомандующему армиями фронта, всех учреждений и средств, доставляемых как Российским обществом Красного Креста, так и прочими организациями частной помощи. На основании этого лечебные учреждения, как Всероссийских Городского и Земского союзов, так и других общественных организаций, по прибытии на фронт поступали в

⁹⁹ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-ш. Л. 16.

¹⁰⁰ Там же. Л. 20.

непосредственное ведение главноуполномоченного. Таким образом, и санитарный транспорт комитета духовно-учебных заведений с самого появления на театре военных действий подчинялся главноуполномоченному Красного Креста при армиях Юго-Западного фронта. Кроме того, Главное управление считало, что после передачи Серафимовского отряда в его ведение отношение его к комитету духовно-учебных заведений ограничивалось «лишь внесением ежемесячно по 3000 рублей на содержание отряда с сохранением имени комитета». Поэтому любые распоряжения о придании отряда той или иной воинской части и даже выбор фронта Главное управление признавало за собой и своим представителем на Юго-Западном фронте сенатором Б. Е. Иваницким. А поскольку главноуполномоченный считал, что Серафимовский отряд по своему личному составу и имуществу не подходит под тип передовых отрядов, функционировавших на фронте, то и принял решение о его реформировании «путем придачи ему некоторого имущества и назначения дополнительного количества санитаров и лошадей»¹⁰¹.

Обо всем этом Главное управление уведомило комитет духовно-учебных заведений. Однако не получив с его стороны никаких объяснений, обратилось к Петроградскому митрополиту Питириму (Окнову) с просьбой содействовать «скорейшему ответу комитета на указанный запрос Главного управления»¹⁰². Это был уже нажим...

17 сентября Серафимовскому отряду вновь пришлось работать в боевых условиях. В этот день 101-я дивизия вела

¹⁰¹ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-ш. Л. 22–22 об.

¹⁰² Там же. Л. 41 об.

сражение западнее города Броды у деревень Сыдонувка и Заставки¹⁰³.

3 октября, согласно приказу по 11-й армии, граф А. М. дю Шайля был награжден Георгиевской медалью 1-й степени¹⁰⁴, став, таким образом, обладателем медалей всех четырех степеней.

А между тем ситуация вокруг Серафимовского передового отряда складывалась странная. С одной стороны, была боевая работа, напряжение сил, опасность, с другой – бюрократическая возня и столкновение амбиций. Уже с лета Красный Крест подверг отряд финансовым стеснениям. За июль деньги из кассы особоуполномоченного Креста отпущены не были. За август с трудом удалось получить 1500 рублей лишь после вмешательства в дело в начале октября военного начальства: после официального сообщения дежурного генерала 11-й армии особоуполномоченному Вогаку о том, что Серафимовский отряд находится в ведении войскового начальства, отношение изменилось к лучшему. Впрочем, отряд не находился в ведении военных. В штабе армии имелось лишь ходатайство о его передаче, причем поступило оно только в первых числах октября. Задержка с его подачей произошла оттого, что корпусному интенданту понадобилось немало времени для сбора необходимых данных, касающихся передачи Серафимовского отряда.

Вскоре ходатайство было возвращено из штаба армии корпусному начальству «для составления штата». По данным интенданта содержание команды нижних чинов и пяти сестер милосердия должно было осуществляться за счет

¹⁰³ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-ш. Л. 63.

¹⁰⁴ Там же. Л. 27 об.

военного фонда. После утверждения этого предложения в штабе армии предполагалось внести новое ходатайство о принятии фуражного довольствия на счет казны. Поскольку на решение этих вопросов требовалось некоторое время, дело снова затягивалось¹⁰⁵.

Под дурным впечатлением от неопределенности и волокиты вокруг Серафимовского отряда граф дю Шайля решил оставить должность его начальника и перейти в строевую службу, тем более что он имел офицерское звание во французской армии. Свое желание граф высказал военному начальству. В связи с этим возник вопрос о замещении должности начальника Серафимовского отряда. В качестве кандидатуры дю Шайля и Гильчевский решили предложить на утверждение комитета духовно-учебных заведений уездного предводителя дворянства статского советника камергера князя Ивана Николаевича Лобанова-Ростовского. В первой половине октября дю Шайля планировал ехать по служебным делам в Петроград, в связи с чем условился с Лобановым-Ростовским ехать вместе, чтобы представить его комитету. Однако ввиду положения на фронте граф вынужден был отложить поездку¹⁰⁶. 15 октября дю Шайля телеграфировал архиепископу Сергию: «Задерживаю с отъездом до 25 октября ввиду необходимости определить последние подробности передачи. Отказ мой от должности находится в зависимости принятия меня в строевую службу

¹⁰⁵ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-ш. Л. 67.

¹⁰⁶ Там же. Л. 67 об.-68.

и назначения приемника, посему прошу комитет отложить всякое решение до доклада моего»¹⁰⁷.

Князь И. Н. Лобанов-Ростовский выехал в Петроград один. Первым делом он побывал у начальника канцелярии Главного управления Красного Креста А. Д. Чаманского, от которого узнал, что комитет «принес покаяние, отменил свое постановление о передаче военному ведомству Серафимовского отряда, а секретарь комитета, составивший постановление, отстранен от должности». Вместе с тем князя официально уведомили, что назначение его на должность начальника Серафимовского отряда не состоится, а приемник дю Шайля будет назначен без участия комитета властью главноуполномоченного. Отряд же предполагалось немедленно откомандировать из дивизии, перевести в город Лубны Полтавской губернии для расформирования.

После разговора с начальником канцелярии князь И. Н. Лобанов-Ростовский послал генералу Гильчевскому телеграмму, в которой кратко сообщил о том, что узнал в Главном управлении¹⁰⁸. Между тем и представитель Красного Креста сообщил в корпус, что Серафимовский отряд будет расформирован, а само расформирование приурочено к уходу дю Шайля с должности начальника отряда.

19 октября дю Шайля телеграфировал в Петроград: «Вследствие сообщения князя Лобанова об отмене комитетом постановления 3 августа о передаче прошу срочно сообщить для доклада военному начальству, соответствует ли сообщение действительности, так как необходимо приостановить производство дела о передаче. Подтверждаю, что

¹⁰⁷ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-ш. Л. 35.

¹⁰⁸ Там же. Л. 68.

откажусь от должности лишь в случае принятия в строевую службу, что выяснится до 10 ноября»¹⁰⁹. В ответ архиепископ Сергей сообщил, что из-за неполучения ответа от военного ведомства в течение трех месяцев «дело о передаче отряда прекращается»¹¹⁰. Однако, думается, не это было причиной, а скорее нежелание комитета обострять отношения с Главным управлением.

Известия, привезенные из Петрограда князем И. Н. Лобановым-Ростовским, произвели удручающее впечатление. Войсковое начальство предположило, что комитет ведет переговоры «на два фронта». Однако дю Шайля объяснил, что на таком большом расстоянии и на основании данных, исходящих от третьих лиц, трудно правильно судить о положении дел. Тогда в штабе XXXII корпуса провели специальное совещание, на котором постановили: а) не допустить Красный Крест к исполнению мероприятий по расформированию отряда; б) немедленно командировать графа дю Шайля в Петроград и в) энергично продвинуть дело о передаче отряда.

Ситуация складывалась весьма непростая. Поскольку Серафимовский отряд слился с дивизионным перевязочным отрядом в единую структуру в смысле взаимодействия, расформирование его негативно отразилось бы на медицинском обеспечении 101-й дивизии. Кроме того, и комитет оказывался в крайне затруднительном положении, так как 85 лошадей были отпущены Серафимовскому транспорту бесплатно с условием, что он будет обслуживать XXXII корпус до конца военных действий. Договоренность об этом в

¹⁰⁹ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-ш. Л. 36.

¹¹⁰ Там же. Л. 39.

свое время состоялась между главным начальником снабжения Юго-Западного фронта генералом от инфантерии А. А. Мавриным и бывшим обер-прокурором Святейшего Синода В. К. Саблером. Переписка по данному вопросу находилась в штабе фронта. В случае же изъятия Серафимовского отряда из ведения корпуса комитет духовно-учебных заведений обязан был рассчитаться за лошадей. Кроме того, пришлось бы рассчитываться и за отпущенную штабом дивизии кожу для изготовления 50 седелок и 13 парных упряжек, а также за предметы обмундирования нижних чинов команды. Все это выливалось бы в немалую сумму.

27 октября генерал Гильчевский послал отношение архиепископу Сергию, в котором выразил недоумение по поводу отмены комитетом постановления от 3 августа, поскольку на его основании уже было «возбуждено по команде ходатайство об отнесении части расходов, вызываемых содержанием Серафимовского отряда, за счет военного ведомства». Гильчевский писал, что не знает как быть «с состоявшейся якобы отменой постановления», поскольку никакого официального извещения не получал¹¹¹. Ситуация, однако, не прояснилась. В ответ из комитета пришла телеграмма: «Ходатайство о князе Лобанове и сестрах милосердия представлено усмотрению Главного управления благожелательно встречающего представление комитета об оставлении Серафимовского отряда вверенной Вашему превосходительству дивизии без передачи в военное ведомство»¹¹². Информация от разных сторон по-прежнему выглядела противоречивой.

¹¹¹ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-ш. Л. 43–43 об.

¹¹² Там же. Л. 44.

Тем временем граф дю Шайля приехал в Петроград, где встретился с членами комитета Красного Креста духовно-учебных заведений и попросил прояснить ситуацию вокруг Серафимовского отряда. Вопрос этот обсуждался комитетом на заседаниях 5–7 ноября. На первом же заседании граф обрисовал положение отряда в дивизии и изложил требования войскового начальства. Во-первых, корпусное командование просило комитет «принять срочные меры к приостановлению всех мероприятий по расформированию или переформированию отряда, а равно изъятию из ведения войскового начальства». Во-вторых, «в случае отклонения ходатайства о передаче отряда в военное ведомство с принятием на счет военного фонда части расходов, вызываемых его содержанием, каковое отклонение может случиться, лишь если имеются у особоуполномоченного Красного Креста при 11-й армии доказательства, что комитет отменил постановление 3 августа, то созвать в месячный срок в Петрограде соединенное совещание представителей войскового начальства, Главного управления Красного Креста или Главноуполномоченного и комитета для полюбовного решения спорных вопросов и определения взаимных отношений»¹¹³.

Обсуждая вопрос, комитет вынужден был признать, что в силу состоявшегося ранее соглашения между генералом А. А. Мавриным и обер-прокурором В. К. Саблером он должен склониться на сторону военного ведомства. Все понимали, что в случае немирного разрешения конфликта могут возникнуть неприятные последствия для экономических

¹¹³ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-ш. Л. 68 об.–69.

интересов комитета. Вместе с тем отмечалось, что в сложившейся ситуации не время судить, по чьей именно вине происходило то или иное недоразумение и правильно ли оформила дело канцелярия. Было признано, что «недоразумений в рассматриваемом деле накопилось немало и формального и хозяйственного характера».

Комитет решил уведомить Красный Крест о существующем обязательстве по отношению к XXXII корпусу, а также напомнить, что передача Серафимовского транспорта Кресту в марте 1916 года была принята при условии оставления отряда в корпусе. И именно выполнения этого условия и добивалось корпусное начальство, будучи принципиально не против хозяйственной зависимости Серафимовского отряда от Красного Креста. Поэтому комитет решил предложить последнему учредить соединенную комиссию из четырех представителей: от комитета, от военного ведомства, от Красного Креста и от главноуполномоченного на Юго-Западном фронте для выяснения дела и заключения по нему «в интересах успешного обслуживания XXXII корпуса»¹¹⁴.

12 ноября комитет отправил ходатайство об оставлении Серафимовского отряда при 101-й дивизии до конца военных действий в Главное управление Красного Креста¹¹⁵. Через две недели оттуда пришел ответ, что «никаких предположений о передаче передового Серафимовского отряда Красного Креста № 77 из 101-й дивизии в какую-либо другую воинскую часть не было и в настоящее время не имеется». Было лишь сказано, что помянутый отряд «после

¹¹⁴ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-ш. Л. 45–47.

¹¹⁵ Там же. Л. 51–51 об.

некоторого переформирования будет оставлен для обслуживания 101-й дивизии»¹¹⁶.

Между тем из-за неясности дальнейших перспектив Серафимовского отряда уйти из него решил не только дю Шайля. В конце ноября Гильчевский обратился к архиепископу Сергию с просьбой дать согласие на перемещение из отряда иеромонаха Антония на вакантную должность бригадного священника в 101-ю артиллерийскую бригаду, находившуюся в подчинении комдива. «Отец Антоний высокополезный пастырь, – писал генерал, – почти в течение двух лет безукоризненно исполняет духовные требы во вверенной мне дивизии, в настоящее время Серафимовский отряд выходит из состава дивизии. Оставление отца Антония в дивизии и если можно церковного имущества Серафимовского отряда весьма желательно»¹¹⁷. Одновременно архиепископ получил телеграмму и от дю Шайля: «Иеромонах Антоний назначен бригадным священником артиллерийской бригады при дивизии. Прошу Ваше Высокопреосвященство не отказать в своем согласии»¹¹⁸.

Спустя десять дней владыка ответил: «Иеромонах Антоний остается в Серафимовском отряде»¹¹⁹.

В начале декабря 101-я дивизия прощалась с графом дю Шайля. Вот что говорилось в дивизионном приказе: «Благодаря своей неутомимой энергии, отзывчивости и пониманию действительных нужд войск, ведущих бой, граф дю Шайля оказал громадную услугу всем входящим в состав

¹¹⁶ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-ш. Л. 52.

¹¹⁷ Там же. Л. 55.

¹¹⁸ Там же. Л. 56.

¹¹⁹ Там же. Л. 60.

дивизии частям войск в отношении подачи первоначальной помощи раненым и транспортировки их на перевязочные пункты, причем ему нередко приходилось работать во всех <...> боях под действительным огнем неприятеля и иногда в очень трудной боевой обстановке. Пренебрегая, однако, личной опасностью и движимый единственно чувством человеколюбия, граф дю Шайля старался всеми возможными способами облегчить страдания раненых. Вверенный ему отряд благодаря его энергии был всегда прекрасно оборудован и снабжен всеми перевязочными и перевозочными средствами – превосходными лазаретными двуколками, а в последнее время хорошо съезженным конными носилками для тяжелораненых. Неумоимо работая во время боев, граф дю Шайля спас жизнь многих защитников Родины. За свою в высокой степени плодотворную работу граф дю Шайля награжден Георгиевскими медалями всех четырех степеней»¹²⁰. Далее говорилось, что граф решил сменить эту деятельность «на работу около пушки и пулемета» в 8-м броневом автомобильном отделении. «Расставаясь с ним, считаю своим долгом от лица службы поблагодарить графа дю Шайля за ту пользу, которую он принес вверенной мне дивизии в кровавой борьбе с жестоким врагом. Желаю глубокоуважаемому Александру Максимовичу здоровья, сил и столь же славных успехов на новом уже чисто боевом поприще», – завершал свой приказ по дивизии генерал Гильчевский¹²¹.

¹²⁰ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-ш. Л. 63–63 об.

¹²¹ Там же.

На следующий день дю Шайля подал архиепископу Сергию рапорт: «15 сего декабря я оставляю должность начальника отряда, о чем доношу на предмет прекращения с 1 января 1917 года ежемесячного взноса в размере 290 рублей, производящегося комитетом в кассу Главного управления Красного Креста на уплату мне жалованья, причем доношу, что по полученным от начальника канцелярии Главноуполномоченного сведениям, преемник мой будет удовлетворяться жалованьем из оклада 300 рублей за счет Красного Креста. Кроме того, доношу, что с 1 ноября должность заведующего хозяйственной частью вакантна, вследствие чего деньги, внесенные комитетом, подлежат возвращению»¹²².

На место графа по представлению главноуполномоченного Красного Креста при армиях Юго-Западного фронта был назначен бывший помощник начальника третьего передового отряда Красного Креста Зеньковский¹²³. Только к февралю 1917 года он вступил в управление Серафимовским отрядом. Из старого состава в нем к тому времени остались лишь иеромонах Антоний и фельдшер И. В. Петрушов¹²⁴.

К сожалению, дальнейших сведений о деятельности Серафимовского передового перевязочного отряда обнаружить не удалось. Известно, что, когда в 1917 году Красный Крест начал ликвидировать часть своих медицинских учреждений, Объединенное бюро санитарных организаций армий Юго-Западного фронта в конце сентября приняло решение о ликвидации и Серафимовского отряда, как излишнего¹²⁵.

¹²² РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-ш. Л. 64.

¹²³ Там же. Л. 70.

¹²⁴ Там же. Л. 73.

¹²⁵ РГВИА. Ф. 15311. Оп. 1. Д. 14. Л. 111.

Несколько слов хочется сказать о судьбе его начальника – графа Александра дю Шайля, руководившего работой отряда в самый горячий и напряженный период деятельности. Оставив в конце 1916 года Серафимовский отряд, граф до августа 1917 года служил в чине прапорщика в 8-м броневом автомобильном дивизионе, а затем перешел в штаб 8-й армии. После Октябрьской революции, оказавшись на Дону, дю Шайля примкнул к белому движению. В 1918 году поступил на службу в штаб Донского корпуса, где занимал последовательно должности штабного офицера для поручений по дипломатическим делам и начальника политической части, состоя также главным редактором издаваемой при штабе газеты «Донской Вестник».

6 августа 1919 года постановлением казачьего круга станицы Хапко дю Шайля был причислен к казачьему сословию¹²⁶.

В начале 1920 года у командования Донского корпуса обострились отношения с генералом Врангелем после подчинения ему донских дивизий в Крыму. В это время в «Донском Вестнике» с одобрения командира корпуса и начальника штаба появился ряд статей, пропагандирующих враждебную по отношению к главному командованию политику донцов. В них звучали сокровенные мысли казачьих патриотов о праве на самоопределение, о равнодушии к судьбам России: «Какое нам дело до России?! Хочет она себе коммуны – пусть себе живет, хочет царя – пусть наслаждается, мы хотим жить так, как нам разум, совесть и дедовский обычай велит. Дай Бог нам снова на Дон, очистить его от

¹²⁶ Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов. Документы и материалы. В 3-х томах. Том 3. Возвращение. – М.: Гея, Триада-Х, 2002. – С. 510.

коммунистической нечисти. Мы оцетинимся штыками и потребуем, чтобы нас оставили в покое». «Истекли мы, Казаки, кровью до последней степени... Мы еще сможем драться с врагом по пути нашего движения в родные опустевшие станицы, но нет у нас сил для борьбы с врагом по пути к сердцу русского народа – Москве. Пусть по Московскому пути идут русские люди... Помните это наши руководители и не перенапрягайте ваших сил», – писала газета¹²⁷.

В это время дю Шайля уже стал разочаровываться в белом движении и публично высказывался против репрессий по отношению к красным¹²⁸.

В начале апреля в Евпаторию, где размещался штаб Донской армии, приехал генерал Врангель. Узнав об идеологической направленности «Донского Вестника», он немедленно отстранил от должностей нескольких высших командиров, а начальника политического отдела и редактора газеты сотника А. М. дю Шайля приказал предать военно-полевому суду. Газету велено было закрыть.

Арестованного дю Шайля повезли в Севастополь на катере в сопровождении двух офицеров из донского штаба и штаба Врангеля. Когда во время пути граф сошел в каюту, к нему спустился матрос и, сильно волнуясь, сообщил о разговоре между командиром катера и комендантским офицером. Матрос рассказал, что на вопрос командира о том, кого везут, офицер ответил: «Везут некоего дю Шайля. Это большой негодяй, самостийник и большевик. Вместе

¹²⁷ Раковский Г. Н. Конец белых, от Днепра до Босфора: вырождение, агония и ликвидация. – Прага: Изд. «Воля России», 1921. – С. 46–47.

¹²⁸ Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов. Документы и материалы. В 3-х томах. Том 3. Возвращение. – М.: Гея, Триада-Х, 2002. – С. 510–511.

с Сидориним и Кельчевским он пытался поднять бунт в тылу у Доброармии. С ним будет короткий разговор. В эту же ночь расстреляют». Передав разговор, матрос добавил: «Я знаю, что вы стоите за народ, и хочу помочь. Вы все равно будете расстреляны. Не лучше ли вам самим покончить с собой? Вот вам револьвер». Дю Шайля впоследствии рассказывал своему знакомому, что еще в Евпатории, расценивая положение, пришел к заключению, что сейчас у донцов повторяется «калабуховская история» – разгром Врангелем Кубанской Рады, закончившийся повешением ее члена и делегата в Париж Калабухова. Граф отлично знал крымскую обстановку, знал о массовых казнях, совершаемых генералом А. П. Кутеповым в Симферополе, о расстрелах без суда, чинимых генералом Я. А. Слащевым, и у него не было никакой уверенности, что путешествие в Севастополь не окажется последним. Слова матроса послужили окончательным толчком. Дю Шайля взял револьвер и, когда тот ушел, выстрелил себе в грудь. К счастью, выстрел оказался не смертельным, и раненого графа доставили в один из севастопольских госпиталей. Между тем, это спасло его от немедленной расправы. Несколько раз комендантское управление пыталось взять его из военного госпиталя, но врачи, указывая на тяжелое положение раненого, категорически отказывались выполнить требование. Караульные по секрету рассказывали, что графа хотели расстрелять¹²⁹.

Предварительное следствие выявило, что газета «Донской Вестник» своим политическим направлением была

¹²⁹ Белое движение: мемуары А. И. Деникина, П. Н. Краснова, П. Н. Врангеля / Сост., вступ. ст. В. Г. Черкасова-Георгиевского. – М.: Вагриус, 2006. – С. 832.

обязана главным образом военачальникам, а граф дю Шайля являлся лишь второстепенным исполнителем. Генералы В. И. Сидорин, А. К. Кельчевский и сотник А. М. дю Шайля были преданы военно-полевому суду.

По результатам суда генералов исключили со службы и лишили мундиров. Граф дю Шайля лежал в это время в госпитале, и дело о нем было выделено; оно рассматривалось много позднее. Ввиду того что граф являлся простым исполнителем и что к генералам отнеслись довольно снисходительно, суд его оправдал. Немаловажную роль в защите дю Шайля сыграло вмешательство представителя Франции в Крыму графа де Мартеля и ходатайство непосредственно перед генералом Врангелем Киевского митрополита Антония (Храповицкого).

После освобождения дю Шайля поспешил эвакуироваться из Крыма и в апреле 1921 года через Стамбул перебрался во Францию. На родине он поддерживал связь с русскими эмигрантами, сотрудничал с газетой «Последние новости», издаваемой под редакцией П. Н. Милюкова.

В это время начинается деятельность дю Шайля по сближению Франции и Советской России. В частности, он организовал поездку будущего французского премьера Э. Эррио в Москву, установил контакты с советскими дипломатами в Европе, в том числе с Г. В. Чичериным. Граф в немалой степени содействовал завязыванию контактов Ф. Нансена с главой советского дипломатического ведомства по вопросу репатриации русских беженцев на родину и одновременно выступал посредником между Лигой Наций и советским правительством.

В 1922 году дю Шайля выехал в Болгарию, где устроился сотрудником Международного Красного Креста, занимаясь «русским беженским вопросом». Затем он снова вернулся в Европу. С 1924 года он стал официальным сотрудником миссии Нансена и Международного бюро труда при Лиге Наций¹³⁰.

Исследователь Валерий Кочик утверждает, что с начала 1920-х годов дю Шайля стал сотрудничать с советской разведкой¹³¹. Так ли это, сказать трудно. Возможно, советские резиденты использовали его как источник информации, в частности Борис Николаевич Иванов, давний знакомый графа.

С 1934 года имя графа Александра дю Шайля начинает мелькать в европейских газетах в связи с процессом в Берне по делу о так называемых «Протоколах сионских мудрецов». В суде граф выступал одним из главных свидетелей вместе с профессором С. Г. Сватиковым, княжной Екатериной Радзивилл и другими, заявлявшими о фальшивости «Протоколов». Закончился процесс в 1937 году с признанием этого сочинения клеветой на евреев. Следует заметить, что подобной точки зрения придерживаются серьезные ученые и авторитетные энциклопедии.

Остаются не до конца выясненными время и место кончины графа Александра дю Шайля. По одним сведениям,

¹³⁰ Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов. Документы и материалы. В 3-х томах. Том 3. Возвращение. – М.: Гея, Триада-Х, 2002. – С. 511.

¹³¹ Белое движение: мемуары А. И. Деникина, П. Н. Краснова, П. Н. Врангеля / Сост., вступ. ст. В. Г. Черкасова-Георгиевского. – М.: Вагриус, 2006. – С. 832.

он погиб в застенках гестапо во Франции в 1944 году¹³², по другим – скончался в 1945 году.

В заключение, возвращаясь к событиям Первой мировой войны, хочется сказать, что граф дю Шайля и его товарищи, работавшие на полях сражений в составе Серафимовского передового перевязочного отряда, заслуживают доброй памяти. Это настоящие герои, жертвенно послужившие России в час великих испытаний.

Светлая Вам память, граф дю Шайля, иеромонах Антоний, иеродиакон Мардарий, Горшенин, Ионов, Сурков, Исаков, Томашевский, Трюхин, Чумаров, Роскос, и все, все, все, кто спасал жизнь наших солдат на фронтах Великой войны!

¹³² Белое движение: мемуары А. И. Деникина, П. Н. Краснова, П. Н. Врангеля / Сост., вступ. ст. В. Г. Черкасова-Георгиевского. – М.: Вагриус, 2006. – С. 832.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Белое движение: мемуары А. И. Деникина, П. Н. Краснова, П. Н. Врангеля / Сост., вступ. ст. В. Г. Черкасова-Георгиевского. – М.: Вагриус, 2006. – 992 с.; ил.
2. *Брусилов А. А.* Мои воспоминания. – М.: Воениздат, 1963. – 288 с.
3. *Гильчевский К. Л.* Боевые действия второочередных дивизий в мировую войну. – М., Л.: Государственное издательство отдела военной литературы, 1928.
4. Духовная и церковная школа // Церковный Вестник. – 1914. – № 32–33. – С. 978–979.
5. *Дю Шайля А. М.* Воспоминания о С. А. Нилусе и Сионских Протоколах (1909–1920) // Еврейская трибуна. – 1921. – № 72 (14 мая). – С. 1–7.
6. *Дю Шайля А. М.* Монархическая идея и действительность // Последние новости. – 1921. – 2 июня. – С. 2.
7. *Дю Шайля А. М.* С. А. Нилус и «Сионские протоколы» // Последние новости (Париж). – 1921. – № 326 (12 мая). – С. 2–3; № 327 (13 мая). – С. 2–3.
8. *Колыванов Г. Е.* Лихолетье: Русские Православные Духовные Семинарии в годы Первой мировой войны. – <http://www.mpda.ru>
9. Комитет Красного Креста духовно-учебных заведений Российской Империи // Минские епархиальные ведомости. – 1914. – № 17. – С. 359–360.
10. *Кочик Валерий.* Разведчики и резиденты ГРУ [Электронный ресурс]. – http://modernlib.ru/books/kochik_valeriy/razvedchiki_i_rezidenti_gru/. – Дата доступа 11.03.2010.

11. Обзор деятельности Духовного Ведомства за 1915 г. – Пг.: Синод. тип., 1917. – 109, 145 с.
12. Обстрел неприятелем учреждений Красного Креста // Вестник Красного Креста. – 1915. – № 8. – С. 3602.
13. О деятельности Комитета Красного Креста духовно-учебных заведений // Прибавления к Церковным Ведомостям. – 1916. – № 1. – С. 23–24; № 2. – С. 65–67; № 3. – С. 96–101; № 5. – С. 155–157; № 10. – С. 289–290; № 28. – С. 698–700; № 30. – С. 753–754; № 39. – С. 961–963; № 47. – С. 1136–1137.
14. Определения Святейшего Синода // Церковные Ведомости. – 1914. – № 34. – С. 402.
15. *Раковский Г. Н.* Конец белых, от Днепра до Босфора: вырождение, агония и ликвидация. – Прага: Изд. «Воля России», 1921. – 274 с.
16. Российский государственный архив кинофотодокументов. Ед. хр.: ал. 62, сн. 85; ал. 62, сн. 130; ал. 62, сн. 132; ал. 97, сн. 52; ал. 102, сн. 62; ал. 131, сн. 35; ал. 131, сн. 59; ал. 131, сн. 66; ал. 580, сн. 7; ал. 580, сн. 32; ал. 1188/2, сн. 3; ал. 1188/2, сн. 4; 2-33189; 2-100-481; 2-48400; 33227; 4-22359.
17. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 15311. Оп. 1. Д. 14.
18. Российский государственный исторический архив. Ф. 797. Оп. 96. Д. 374.
19. Российский государственный исторический архив. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247.
20. Российский государственный исторический архив. Ф. 802. Оп. 16. Д. 635.
21. Российский государственный исторический архив. Ф. 802. Оп. 16. Д. 636.

22. Российский государственный исторический архив. Ф. 802. Оп. 16. Д. 637.
23. Российский государственный исторический архив. Ф. 802. Оп. 16. Д. 638.
24. Российский государственный исторический архив. Ф. 802. Оп. 16. Д. 639.
25. *Рункевич С. Г.* Великая отечественная война и церковная жизнь. Кн. 1: Распоряжения и действия Святейшего Синода в 1914–1915 гг. – Пг.: Синод. тип., 1916. – (2), 358 с.
26. Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов. Документы и материалы. В 3-х томах. Том 3. Возвращение. – М.: Гея, Триада-Х, 2002. – 576 с.
27. *Самохвалов А.* На передовых позициях // Вестник Красного Креста. – 1915. – № 4. – С. 1454–1456.
28. *Світлинський Богдан.* Австро-Угорщина і Талергоф. (В 25-літіє всемірної війни). – http://ukrstor.com/ukrstor/switlinskij_awstrougorscina.html. – Дата доступа 23.11.2012.
29. Транспорт во имя преп. Серафима Саровского // Вестник Красного Креста. – 1915. – № 6. – С. 2475.
30. *Ходаковская О. И.* Дело жизни епископа Киприана (Шнитникова) (1879–1914) // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. – 2009. – Вып. II: 4 (33). – С. 26–50.
31. Центральный государственный архив кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга. Ед. хр.: А-7885; А-11185; Б-1158; В-979; В-4827; Г-14904; Г-16423.
32. *Щеглов Г. Э.* Хранитель. Жизненный путь Федора Михайловича Морозова. – Минск: ВРАТА, 2012. – 366 с., [73] л. цв. ил.: ил.

33. *Du Chayla A. M. Affaires De Finlande. La Loi, Octroyant Aux Russes En Finlande, Des Droits Civils égaux à Ceux Des Citoyens Finlandais, Répond-elle à Des Exigences Vitales? Etude.* - St. Pétersbourg: Ehrlich, 1912. - 35 p.
34. *Du Chayla A. M. Un conflit d'opinions en Suede. A propos du pamphlet de l'explorateur Sven Hedin contre la Russie.* - St. Petersburg, 1912.
35. *Koréwo N. N., du Chayla A. M. La question finlandaise: rapport lu au congrès de la noblesse unifiée de l'Empire russe en la séance du 17/30 mars 1910.* - 1912.
36. *Hatonn G. C. Birthing The Phoenix. Vol. II.* - Las Vegas: Phoenix Source Publishers, 1998.

Духовно-просветительное издание

Щеглов Гордей Эдуардович

**Боевой путь
передового перевязочного отряда
имени преподобного
Серафима Саровского
(1915–1917)**

Редактор	<i>священник Гордей Щеглов</i>
Компьютерный дизайн	<i>Е. В. Шабад</i>
Компьютерная верстка	<i>А. Е. Шабад</i>
Корректор	<i>Л. В. Сутягина</i>

Подписано в печать хх.хх.хххх. Формат хххххх/хх
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. хх,х. Уч.-изд. л. хх,х+х,х вкл. Тираж 1000 экз. Заказ № хххх.

Общество с ограниченной ответственностью «ВРАТА».
ЛИ №02330 / 0150259 от 08.04.2008.
Ул. Брестская, д. 34, комн. 34, 220099, г. Минск.
Т. [8-017] 212-85-16; e-mail: nebo@vrata.by.

Священник Гордей Щеглов, магистр церковной истории, доцент Минских Духовных Академии и Семинарии.

Автор многочисленных научных и научно-популярных работ по истории Русской Православной Церкви, среди которых: «Год 1863. Забытые страницы» (2007); «Светильник Христов» (2008); «Степан Григорьевич Рункевич (1867-1924). Жизнь и служение на переломе эпох» (2008); «Печальник о благе народном. Жизнь и литературные труды Дмитрия Гавриловича Булгаковского» (2009); «Хранитель. Жизненный путь Федора Михайловича Морозова» (2012) и др.

Член Союза Писателей Беларуси.

Лауреат премий: имени профессора В. В. Болотова 2008 года и имени митрополита Московского и Коломенского Макария (Булгакова) 2009 года.